Считать виновной

Автор:
Тесс Герритсен

Считать виновной

Тесс Герритсен

Иностранный детектив

Конечно же Миранда Вуд оказалась единственной подозреваемой. Газетного магната Роберта Тримейна нашли убитым в ее постели, орудие преступления – ее кухонный нож. Кто еще мог совершить преступление, как не женщина, для которой стала западней любовь к женатому мужчине? Прямых улик не нашлось, но косвенных – предостаточно. У нее не было шанса оставаться на свободе до начала процесса. И вдруг тайный благодетель внес огромный залог. Дальнейшие события заставили задуматься: а не для того ли это сделано, чтобы Миранда не дожила до суда?

Тесс Герритсен

Считать виновной

Глава 1

Он позвонил ровно в десять, как всегда.

Еще не взяв трубку, Миранда знала – это он. Знала и то, что, если не отвечать, телефон будет звонить и звонить, пока не сведет ее с ума. Она прошлась по комнате. Только не отвечай. Тебе это не нужно. Не нужно с ним разговаривать.

Ты ничего ему не должна. Ровным счетом ничего.

Телефон умолк. В наступившей внезапно тишине Миранда слышала свое дыхание. Может быть, сегодня он уступит, сдастся? Поймет, наконец, что она говорила серьезно и имела в виду именно то, что сказала?

Телефон снова звякнул, и она вздрогнула. Каждый звонок – как наждаком по живому. Как бритвой по нервам.

Нет, это невыносимо. Уже поднимая трубку, она знала, что снова совершила ошибку, что делать этого не стоило.

– Алло?

– Скучаю по тебе. – Тот же шепот с нотками интимности, как напоминание о прежней близости. Близости, что была приятна обоим.

– Я не хочу, чтобы ты мне звонил, – сказала Миранда.

– Ничего не могу с собой поделать. Весь день только о том и думал, чтобы позвонить тебе. Миранда, без тебя жизнь – ад.

В глазах защипало. Она глубоко вдохнула и затаила дыхание, сдерживая подкатившие вдруг слезы.

– Разве мы не можем попробовать начать сначала? – жалобно спросил он.

– Нет, Ричард. Не можем.

– Пожалуйста. Теперь все будет по-другому.

– По-другому не будет никогда.

– Нет! Будет!

– То было ошибкой. С самого начала.

– Ты все еще любишь меня. Знаю, что любишь. Боже, Миранда… все эти недели… видеть тебя каждый день и не сметь даже прикоснуться… остаться с тобой наедине…

– Больше этого не будет. Ты ведь получил мое письмо. Я ухожу. Это серьезно.

Какое-то время в трубке молчали, словно ее слова послали его в нокаут. Словно он не мог оправиться от удара. Но к восторгу победителя примешивалось чувство вины. Вины за то, что освободилась наконец. За то, что стала собой.

Голос в трубке прозвучал едва слышно.

– Я рассказал ей.

Миранда промолчала.

– Слышишь? – спросил он. – Я рассказал ей. Рассказал все. О нас с тобой. А еще встретился с адвокатом. Я изменил условия…

– Ричард, – медленно и внятно произнесла она. – Это ничего не меняет. Женат ты или разведен – я не хочу тебя видеть.

– Еще один раз. Только один.

– Нет.

– Я приеду. Прямо сейчас.

– Нет!

– Ты должна меня увидеть.

– Я ничего не должна! – крикнула она.

– Буду через пятнадцать минут.

Миранда недоверчиво посмотрела на трубку. Повесил! Черт бы побрал! Он повесил трубку! И через четверть часа постучит в дверь. Она так стойко держалась последние три недели. Работала рядом с ним. Вежливо улыбалась. Сохраняла нейтральный тон. Но вот сейчас он приедет и сорвет с нее эту маску сдержанности и самоконтроля. И все начнется сначала, они снова угодят в ту же ловушку. Ловушку, из которой она едва выбралась.

Миранда подбежала к вешалке, схватила пуловер. Надо уйти. Уйти куда-нибудь, где он не найдет ее. Уйти туда, где можно побыть одной.

Она вылетела за дверь, сбежала по ступенькам и торопливо зашагала по Уиллоу-стрит. Часы показывали половину одиннадцатого, и соседи уже укладывались спать. В окнах, за шторами, гасли лампы, мелькали силуэты, кое-где еще мерцал огонек камина. В душе шевельнулась застарелая зависть, давнее желание быть частью вот такого же единого целого, частью большой любящей семьи, ворошить угольки в своем камине.

Глупые, несбыточные мечты.

Миранда поежилась, обхватила себя руками. Август в Мэне выдался не по сезону прохладный. Она злилась. На себя – за то, что замерзла, за то, что ее выгнали из дому. На него… Злилась, но не останавливалась.

На Бейвью-стрит она повернула направо – в сторону моря.

Туман накатывал на берег густыми серыми волнами. Заволакивал звезды, угрюмо расползался по улице. Миранда шла сквозь него, и он вихрился за ней тонкими змейками. Она свернула с дороги на пешеходную тропинку, спустилась по скользким гранитным ступенькам. Там, под лестницей, на каменистом берегу, стояла скамейка. Ее скамейка. Миранда села, подобрала ноги к груди и уставилась на уходящее к горизонту и теряющееся в тумане море. Где-то глуховато звякал бакен. В мглистой пелене покачивался зеленый огонек.

Сейчас он, наверное, уже возле ее дома. Будет стучать, колотить в дверь, пока не разбудит соседа, мистера Ланцо. А потом, когда надоест, повернется и поедет домой – к жене и детям, сыну и дочке.

Она прижалась лицом к коленям, отгоняя возникшую перед глазами картинку со счастливым семейством. Впрочем, у Ричарда эта картинка никогда не получалась счастливой. На грани краха – так он описывал свой брак. Раньше от развода его удерживала только любовь к детям, Филиппу и Кэсси. Теперь близнецам было по девятнадцать, и они вполне могли принять горькую правду. Но с некоторых пор разводу мешало другое: забота о жене. Эвелине нужно время, чтобы привыкнуть к новой ситуации, и если Миранда наберется терпения, если будет любить его так, как он любит ее, то рано или поздно все как-нибудь уладится, сложится…

О да. Сложилось, да? Ну разве не чудесно?

Миранда горько усмехнулась. Подняла голову, посмотрела на море. И рассмеялась – не истерично, а свободно и легко. Она вдруг ощутила себя так, словно очнулась после долгого лихорадочного сна, вынырнула из тяжкого забытья с ясной головой и взглянула на мир незамутненным взглядом. Туман приятно освежал лицо, холодок чистил душу. Вот чего ей недоставало, этого очищения! Чувство вины откладывалось месяцами, слой за слоем, пока не спеклось в грязную корку, из-под которой едва проступала настоящая Миранда.

Теперь все кончилось. Кончилось по-настоящему, всерьез.

Миранда улыбнулась морю. Моя душа снова принадлежит только мне. Покой и безмятежность снизошли на нее. Она поднялась и пошла домой.

В двух кварталах от дома, неподалеку от перекрестка Уиллоу-стрит и Спринг-стрит, Миранда заметила припаркованный у тротуара синий «пежо». Значит, он еще здесь. Ждет ее. Она задержалась на секунду у машины, пробежала взглядом по черным кожаным сиденьям под мягкими чехлами – все такое знакомое. Место преступления. Первый поцелуй. Я заплатила за него… болью. Теперь его очередь.

Миранда отвернулась от машины и решительно зашагала к дому. Поднялась по ступенькам – передняя дверь была не заперта, но она ее и не запирала. Свет еще горел. В гостиной – никого.

– Ричард?

Тишина.

Из кухни потянуло ароматом кофе. Заглянув, Миранда увидела на плите кастрюльку, а на столе недопитую чашку. Один из ящичков наполовину выдвинут. Она сердито задвинула его. Вот, значит, как. Заявился и чувствуешь себя как дома, да? Она схватила чашку и выплеснула содержимое в раковину, облив при этом пальцы. Кофе успел остыть и был чуть теплым.

Выйдя из кухни, Миранда прошла по коридору мимо ванной. Там тоже горел свет, из крана вытекала тонкая струйка. Она завернула кран и выключила свет.

– Тебе нечего здесь делать! Ты не имеешь никакого права здесь находиться! Я вызову полицию, и тебя арестуют за незаконное вторжение.

Тишина.

Миранда повернула к спальне, но, еще не дойдя до двери, поняла, что ее ждет, с чем придется иметь дело. Небось разлегся на кровати, голый, да еще с этой своей улыбочкой. Именно так он встретил ее в прошлый раз. Но теперь все будет по-другому. Она выставит его за порог – голого или в одежде. На этот раз его ждет сюрприз.

В спальне было темно. Миранда подняла руку и щелкнула выключателем.

Он и впрямь лежал на кровати – руки раскинуты, ноги запутались в простынях. Голый. Все так, как она и представляла. Вот только ухмылка затерялась – вместо нее на лице гримаса ужаса, рот распахнут в немом крике, в глазах жуткая неподвижность вечности. Пропитанный кровью угол простыни свисает к полу над медленно растекающейся алой лужицей. И тишина. Мертвая, если не считать редкого, чуть слышного кап… кап… кап…

Миранда даже сделала пару шагов в комнату, прежде чем к горлу подступила тошнота. В следующий момент она упала на колени, хватая ртом воздух. Ее вырвало. И только потом, с трудом подняв голову, увидела лежащий рядом на полу кухонный нож. Увидела и узнала с первого взгляда – знакомая рукоятка, двенадцатидюймовое стальное лезвие. Ее нож. Из ее кухни. Из того ящичка.

И конечно, на рукоятке будут отпечатки ее пальцев.

Только кровь на лезвии не ее.

Чейз Тримейн провел за рулем всю ночь, а на востоке уже брезжила утренняя заря. Ритм проносящейся под колесами дороги, мерцание приборов на панельной доске, мелодичный шелест радио – все отступало, сливаясь в неясный фон. Единственной реальностью оставалось то, о чем он напоминал себе снова и снова, вглядываясь в темную автостраду.

Ричард мертв. Ричард мертв.

Он вздрогнул, поймав себя на том, что произнес это вслух. На несколько секунд прозвучавшие в темном салоне слова вывели его из близкого к трансу состояния. Чейз взглянул на часы. Начало пятого утра. Он в дороге четыре часа. Впереди граница между Нью-Гемпширом и Мэном. Сколько еще осталось? Холодно ли снаружи? И пахнет ли воздух морем? Машина превратилась в некое подобие камеры сенсорной депривации, автономного чистилища с мерцающими зелеными огоньками и фоновой музыкой. Чейз выключил радио.

Ричард мертв.

Слова эти звучали в ушах так, словно память воспроизводила тот короткий телефонный разговор. Эвелина даже не попыталась смягчить удар. Услышав новость, он не сразу понял, что ее принес голос невестки. Страшный этот факт она подала сразу, без вступлений, без околичностей. Просто сообщила информацию: Ричард мертв. Убит какой-то женщиной…

И потом, на следующем выдохе: Ты нужен мне, Чейз.

Этого он никак не ожидал. Не ожидал, потому что был посторонним, тем Тримейном, о котором не вспоминали, которому никто не звонил, тем, кто однажды взял и уехал, оставив семью навсегда. Он был братом с сомнительным прошлым. Изгнанником. Черной овцой.

Чейз качнул головой, стряхивая обволакивающую паутину усталости. Опустил стекло, подставил лицо порыву холодного воздуха, вдохнул свежий запах сосен и моря. Запах Мэна. Запах, возвращавший, как ничто другое, воспоминания далекого детства. Облепленные водорослями прибрежные камни. Свежесобранные мидии в ведерке. Натужный стон сирены в тумане. Все вернулось с глотком воздуха, этим запахом прошлого, счастливых, безмятежных деньков. Тогда он еще считал Ричарда самым смелым, самым умным, самым лучшим. Братом, о котором только можно мечтать. Тогда он еще не понимал истинную натуру Ричарда.

Убит какой-то женщиной…

А вот это его совсем не удивило.

Кто она? И что так разъярило ее, что довело до такого состояния, что заставило ударить его брата ножом в грудь? Ответ напрашивался сам собой. Незадавшийся роман. Ревность из-за новой любовницы. Неизбежное расставание. И ярость, пришедшая с пониманием, что тебя обманули, что тобой пользовались, что тебе лгали. Ярость, отметающая логику здравого смысла и заглушающая даже инстинкт самосохранения. Пожалуй, Чейз мог бы набросать примерный сценарий. Мог бы даже описать женщину, похожую на всех тех, других, что прошли через жизнь его брата. Она, конечно, привлекательная. У Ричарда это обязательное условие. Но есть в ней какая-то отчаянность, надрывность. Может быть, слишком громкий смех, слишком скорая улыбка или морщинки у глаз, выдающие женщину, чья жизнь пошла под уклон. Да, Чейз видел ее ясно, и образ вызывал одновременно жалость и отвращение.

И еще гнев. Какие бы чувства он ни питал к Ричарду, это не отменяло того факта, что они оставались братьями. У них были общие воспоминания, они вместе валялись на озере жаркими летними деньками, бегали по волнолому, хихикали в темноте. В конце концов они серьезно разругались, но пережили и это, а время сгладило разногласия. Чейз всегда думал, что рано или поздно отношения наладятся, и они снова станут друзьями.

Думал до того телефонного звонка от Эвелины.

Ярость поднялась в нем, как приливная волна в полнолуние. Теперь они уже не помирятся. Он никогда не скажет брату: Привет. Никогда не спросит: А ты

помнишь? Дорога задрожала и стала расплываться. Чейз моргнул и крепче сжал руль.

К десяти он был в Басс-Харбор. В одиннадцать поднялся на борт «Дженни Б» и встал у поручня, лицом к ветру. Вдалеке из тумана вырастал Шефердс-Айленд, напоминающий невысокий зеленый горб. Паром зарылся носом в волны, и Чейз ощутил знакомый позыв к рвоте. В семье моряков он единственный страдал морской болезнью и всегда предпочитал держаться суши. Все морские трофеи доставались Ричарду. Во всех гонках он неизменно приходил первым. Поставить парус, взять галс – никто не делал этого лучше. Поднять спинакер, свернуть спинакер. Чейзу это все представлялось бессмысленной чепухой. Да еще проклятая тошнота…

Он глубоко вдохнул. Паром подходил к причалу, и желудок понемногу успокаивался. Чейз вернулся в машину – ждать очереди к трапу. Перед ним стояли еще восемь автомобилей, все с номерами других штатов. Похоже, этим летом на север устремилась добрая половина Массачусетса, и бедный Мэн дрожал и прогибался под тяжестью нагрянувших машин.

Паромщик махнул рукой. Чейз выжал сцепление, взъехал по трапу и оказался на Шефердс-Айленд.

Его поразило, как мало изменилось здесь за столько лет. Те же старые здания на Си-стрит: пекарня «Айленд-Бейкери», банк, кафе «Фицдже-ральд», универмаг «Лэппин», магазин «Полезные мелочи». Кое-где на старых домах красовались новые вывески: «Горэм букс» превратился в «Воуг-бьюти-шоп», «Вилидж хардвер» уступил место «Кантри антикс» и риелторской конторе. Боже, какие перемены приносят туристы!

Чейз свернул на Лаймрок-стрит. Слева, в том же, что и раньше, здании, помещалась «Айленд геральд». Интересно, изменилось ли что-то внутри? Ему запомнились декоративный потолок, разбитые столы, стена с портретами издателей – все Тримейны. Он и сейчас мог бы описать кабинет редактора, вплоть до старенького «ремингтона» на отцовском столе. Печатной машинки, конечно, давно нет, ее наверняка сменили компьютеры, тонкие, изящные, безликие мониторы. Именно так и должен был руководить газетой Ричард – долой старое, да здравствует новое!

И да здравствует следующий Тримейн!

Проехав дальше, Чейз повернул еще раз, к Чеснат-Хилл. Полмили вверх и там, едва ли не на самой высшей точке острова, особняк Тримейнов. Викторианские башенки, безвкусный, вычурный орнамент… Больше всего особняк напоминал ему чудовищный желтый свадебный торт. С тех пор дом перекрасили в благородные цвета, серый и белый, и он выглядел скромнее, сдержаннее. В нем даже проступила какая-то увядшая красота. Бедный желтый свадебный торт…

Припарковавшись, Чейз достал из багажника чемодан, прошел по дорожке к дому и только шагнул на первую ступеньку, как дверь открылась, – его ждали.

– Чейз! – воскликнула Эвелина. – О, Чейз, наконец-то. Слава богу, ты приехал.

Она тут же упала в его объятия, и ему ничего не оставалось, как прижать ее, почувствовать, как она дрожит, ощутить ее теплое дыхание на своей шее.

Наконец она отстранилась и посмотрела на него пристальным, ищущим взглядом. Ее чудесные зеленые глаза остались все теми же необыкновенно ясными. Роскошные, цвета меда, волосы заплетены во французскую косу. Лицо чуть припухлое, нос красноватый. Она пыталась скрыть это макияжем – на ноздре осталось пятнышко спекшейся розоватой пудры, на щеке выделялся грязноватый след от подтекшей туши. Что стало с его красавицей невесткой? Неужели она и впрямь так глубоко скорбит по мужу?

– Я знала, что ты приедешь, – прошептала Эвелина.

– Выехал сразу, как только ты позвонила.

– Спасибо, Чейз. Я уж и не знала, к кому обратиться. – Она отступила и еще раз посмотрела на него. – Бедняжка, ты, должно быть, совсем вымотался. Идем же, я приготовлю кофе.

Они вошли в холл, и Чейз словно ступил в детство – здесь почти все осталось нетронутым. Тот же дубовый пол, тот же свет, те же запахи. Казалось, повернись, загляни в гостиную и увидишь сидящую за столом мать. Она всегда писала от руки, никогда не пользовалась печатной машинкой и свято верила, что

если «раздел светских новостей», как завуалированно называлась колонка сплетен, достаточно пикантен, то редактор примет его и на суахили. Редактор принял не только колонку, но и ее саму. Такой вот брак по расчету.

Печатать мать так и не научилась.

– Привет, дядя Чейз.

Он поднял голову – на верхней ступеньке стояли молодые мужчина и женщина. Неужели близнецы? Не может быть. Чейз изумленно смотрел на спускающуюся пару. Филипп шел первым. Когда они виделись последний раз, племянник и племянница были неуклюжими подростками. А теперь… Оба высокие, подтянутые, светловолосые. На этом сходство и заканчивалось. Филипп двигался с легкой, уверенной грацией танцора, но если он и напоминал элегантного Фреда Астера, то его парой определенно была не Джинджер Роджерс. Спускавшаяся за ним молодая женщина топала, как лошадь.

– Глазам своим не верю – Кэсси и Филипп!

– Ты просто давно не приезжал, – напомнила Эвелина.

Подойдя ближе, Филипп протянул руку – жест скорее незнакомца, чем племянника. Ладонь у него была узкая, изящная, пальцы длинные и тонкие. Рука джентльмена. От матери ему достались и другие аристократичные черты: прямой нос, четкие линии лица, зеленые глаза.

– Причина для приезда ужасная, но я все же рад, что вы здесь, – серьезным тоном произнес он.

Чейз перевел взгляд на Кэсси, которую помнил живой обезьянкой, засыпавшей его вопросами. Как же могло случиться, что она выросла и превратилась в угрюмую молодую женщину? Волосы убраны назад и стянуты так сильно, что лицо как будто состоит из одних только выступающих углов: большой нос, глубокий прикус, голый квадратный лоб. И только в глазах пряталось что-то знакомое, что-то от той десятилетней неугомонной проказницы. Что? Прямота, проницательность, ум?

– Привет, дядя Чейз. – Тон сухой, деловитый. Слишком деловитый для девушки, только что потерявшей отца.

– Кэсси, – обратилась к ней Эвелина, – почему бы тебе не поцеловать своего дядю? Он проделал долгий путь, чтобы быть с нами.

Кэсси спустилась на пару ступенек, приложилась губами к его щеке и тут же торопливо отступила, словно смущенная этой фальшивой демонстрацией чувства.

– Ты определенно выросла. – Это было лучшее из того, что пришло ему на ум.

– Да. Такое случается.

– Сколько тебе?

– Почти двадцать.

– Так вы оба, должно быть, в колледже.

Кэсси кивнула, и ее губы впервые тронула улыбка.

– Я изучаю журналистику в университете Южного Мэна. Решила, что когда-нибудь нашей газете потребуется…

– Филипп учится в Гарварде, – вставила Эвелина. – Как и его отец.

Улыбка увяла, не успев распуститься. Девушка раздраженно взглянула на мать, повернулась и пошла вверх по ступенькам.

– Кэсси, ты куда?

– У меня стирка.

– Но здесь же твой дядя. Он только что приехал. Вернись и посиди с нами.

– Зачем, мама? – бросила девушка через плечо. – Ты и без меня прекрасно его развлечешь.

– Кэсси!

– Что?

– Ты ставишь меня в неловкое положение.

– Не впервые.

Эвелина повернулась к Чейзу:

– Теперь ты видишь? – Голос ее предательски дрогнул. – Я не могу рассчитывать даже на собственных детей. А одной мне со всем не справиться. – Она всхлипнула и торопливо скрылась в гостиной.

Близнецы переглянулись.

– Опять ты все испортила, – укоризненно сказал Филипп. – Сейчас не самое лучшее время спорить и ругаться. Неужели тебе ее не жаль? Неужели нельзя постараться и как-нибудь наладить отношения? Хотя бы на несколько ближайших дней.

– А разве я не стараюсь? – буркнула недовольно Кэсси. – Но она же постоянно выводит меня из себя.

– Не обращай внимания и, по крайней мере, будь повежливей. – Филипп помолчал, потом добавил: – Ты же знаешь, этого бы и отец хотел.

Кэсси вздохнула, потом с обреченным видом спустилась и пошла за матерью в гостиную.

– Наверное. Ладно, попробуем хотя бы ради него.

Филипп покачал головой и повернулся к Чейзу:

– Ну вот. Еще один показательный эпизод из жизни счастливой семьи Тримейн.

– И давно у вас так?

– Уже несколько лет. Просто вы застали нас не в самый легкий момент. Казалось бы, отец только-только умер, и всем надо собраться, поддерживать друг друга. А мы вместо этого расходимся в разные стороны.

Они вошли вслед за Кэсси в гостиную. Мать и дочь сидели в противоположных углах комнаты. Обе уже немного успокоились и взяли себя в руки. Филипп сел между ними, как бы подчеркивая, что готов и намерен сыграть роль буфера. Чейз устроился в угловом кресле – на нейтральной территории, что вполне его устраивало.

Солнце повисло за эркерным окном, и деревянный пол сиял под его лучами. Установившуюся тишину заполняло тиканье будильника на каминной полке.

Все как раньше, думал Чейз. Все те же столы в стиле хепплуайт и стулья эпохи королевы Анны. Именно такой он и помнил гостиную. Эвелина не изменила в ней ничего и уже за это заслужила благодарность.

Первым наливающееся грозой молчание попытался разрушить Чейз.

– Проезжал утром мимо редакции. Похоже, там все осталось по-прежнему.

– Город тоже не изменился, – сказал Филипп.

– Да, жизнь здесь так и бьет ключом, – бесстрастно заметила его сестра.

– Какие планы насчет газеты? – поинтересовался Чейз.

– Газетой будет заниматься Филипп, – твердо, как будто решение уже было принято, объявила Эвелина. – В любом случае ему пора за это взяться. Теперь, когда Ричарда нет, мне хотелось бы… – Она перевела дыхание и опустила голову. – Он уже готов к этой работе.

– А вот я не уверен, – не согласился Филипп. – В колледже я только два года пробыл. Да и заниматься хотелось бы кое-чем другим.

– Твоему отцу было двадцать, когда дедушка Тримейн назначил его редактором. Разве не так, Чейз?

Чейз кивнул.

– Я не вижу никаких причин, почему ты не можешь встать у руля.

Филипп пожал плечами:

– Джил Виккери и без меня прекрасно справляется.

– Джил – человек посторонний, а «Геральд» требуется настоящий, свой капитан.

Кэсси подалась вперед.

– Есть и другие, – сказала она. – Почему газетой обязательно должен управлять Филипп?

– Так хотел твой отец, – ответила Эвелина. – А уж он-то лучше других знал, что лучше для «Геральд».

В наступившей тишине сухо щелкали стоящие на каминной полке часы.

Эвелина устало выдохнула и закрыла лицо руками:

– Боже, о чем мы тут говорим. Обсуждаем, кто займет его место. Как будто ничего не случилось. Какие же мы черствые!

– Говорить об этом рано или поздно придется, – пожала плечами Кэсси. – И не только об этом, но и о многом другом.

Эвелина кивнула и отвернулась.

В другой комнате зазвонил телефон.

– Я возьму трубку, – сказал Филипп и вышел.

Эвелина потерла виски:

– У меня сейчас голова не работает. Я просто не могу ни о чем думать.

– Шок проходит не сразу, – мягко напомнил Чейз, – а ведь это произошло всего лишь прошлым вечером.

– Нужно заниматься похоронами, а мне даже не говорят, когда отдадут… – Эвелина поежилась. – Не понимаю, почему все так затягивается. Что еще нужно этим экспертам? Неужели они не видят, что случилось? Разве это не очевидно?

– Очевидное не всегда истинное, – вставила Кэсси.

Эвелина посмотрела на дочь:

– Что ты хочешь этим сказать?

В гостиную вернулся Филипп:

– Мама, звонит Лорн Тиббетс.

– Тиббетс? О господи… – Эвелина неуверенно поднялась. – Сейчас подойду.

– Ему нужно, чтобы ты приехала туда.

Она нахмурилась:

– Прямо сейчас? Это не может подождать?

– Почему бы тебе не съездить к нему сейчас? Рано или поздно это придется сделать.

Эвелина повернулась и посмотрела на Чейза:

– Одна я не смогу. Ты не съездишь со мной?

Куда нужно ехать и кто такой Лорн Тиббетс, об этом Чейз не имел ни малейшего понятия. С куда большим удовольствием он принял бы сейчас горячий душ, а потом как следует выспался. Но похоже, с этим придется подождать.

– Конечно. – Он неохотно встал и потянулся – усталость сковала спину, отложилась свинцом в руках и ногах.

Эвелина взяла со стола сумочку, достала ключи и передала их Чейзу:

– Боюсь, я не смогу сосредоточиться. Сядешь за руль?

Он кивнул:

– Куда мы едем?

Эвелина надела солнцезащитные очки, и припухлые глаза скрылись за темными стеклами. Чейз заметил, что руки у нее дрожат.

– В полицию.

Глава 2

Полицейский участок Шефердс-Айленд располагался в здании бывшего универсального магазина, поделенного за последние годы на несколько десятков крохотных офисов. В памяти Чейза сохранилось смутное впечатление о чем-то гораздо более внушительном, но, с другой стороны, последний раз он бывал здесь много лет назад, еще мальчишкой, непоседой и озорником, воспринимавшим полицейский участок как прямую и явную угрозу. В тот день, когда его притащили сюда за «причинение ущерба» цветнику миссис Гордимер – деянию совершенно неумышленному, – потолок казался выше, помещения

просторнее, и каждая дверь – воротами, за которыми таится неведомый ужас.

Теперь Чейз видел это здание таким, каким оно и было на самом деле – старым, обшарпанным, усталым.

Лорн Тиббетс, шеф полиции, выглядел так, словно его вырастили специально, с учетом тесноты помещений. Если для полицейских существовали какие-то требования по росту, то он еле-еле дотягивал до обязательного нижнего уровня. Плотный, широкоплечий, Тиббетс прекрасно вписался в летнюю форму, дополненную добавлявшей росту шляпой, призванной, как заподозрил Чейз, скрывать лысину. В целом начальник полиции напоминал Наполеона в хаки.

Недостаток роста Тиббетс компенсировал любезностью и учтивостью. Проскользнув между теснящимися столами и каталожными ящиками, он приветствовал Эвелину с преувеличенной уважительностью, положенной женщине ее социального статуса.

– Миссис Тримейн! Прошу извинить за то, что вынужден пригласить вас сюда. – Он взял ее за руку, но утешающий жест только напугал Эвелину, которая нервно попятилась. – Ужасная ночь, да? Просто ужасная. Представляю, как нелегко вам пришлось.

Эвелина пожала плечами – то ли отвечая на вопрос, то ли пытаясь высвободить руку из цепких пальцев.

– Вам сейчас, конечно, трудно. Не хотел беспокоить сегодня, но вы же понимаете… Столько бумаг, столько отчетов, и все нужно заполнять. – Тиббетс бросил обманчиво рассеянный взгляд на Чейза. Похоже, островной Наполеон был вовсе не прост, и от его внимания не ускользало ничто.

– Это Чейз, – сказала Эвелина, разглаживая рукав, на котором пальцы Тиббетса оставили одной лишь ей заметный след. – Брат Ричарда. Приехал сегодня утром из Коннектикута.

– Да, конечно. – В глазах у шефа полиции что-то мелькнуло. – Я видел вашу фотографию в школьном спортзале. – Он протянул руку. Пожатие было крепким, как часто бывает у мужчин, пытающихся компенсировать недостаток роста. – Ту, на которой вы в баскетбольной форме.

Чейз удивленно моргнул:

– Неужели она до сих пор там висит?

– Спортзал – это что-то вроде местного зала славы. Вы были в… дайте подумать… да, в выпуске семьдесят первого года. Лучший центровой университетской команды. Я прав?

– Удивительно, что вы все это знаете.

– Я и сам играл в баскетбол. Средняя школа Мэдисон, штат Висконсин. За мной рекорд по свободным броскам и набранным очкам.

Что ж, Чейз легко представил Лорна Тиббетса на баскетбольной площадке – этакий неистовый карлик. По крайней мере, такой образ вполне сочетался с могучим рукопожатием.

Дверь вдруг распахнулась.

– Эй, Лорн?

Тиббетс с усталым вздохом повернулся к молодой женщине, выглядевшей так, словно ее принесло сюда ветром с улицы.

– Вернулась, Энни?

– Ага, как плохой пенни. – Она перебросила потрепанную сумку с одного плеча на другое. – Так когда я получу официальное заявление, а?

– Когда оно у меня будет. А теперь проваливай.

Ничуть не убоявшись грозного требования шефа полиции, Энни повернулась к Эвелине. Две эти женщины вполне могли бы встретиться в разделе модного журнала, посвященного созданию нового имиджа. Энни – с растрепанными волосами, в бесформенном свитшоте и джинсах – определенно выступала бы под ярлыком «Прежде».

– Миссис Тримейн, – вежливо сказала она, – знаю, вам сейчас нелегко, но время поджимает, и мне нужно от вас хотя бы несколько слов для…

– Энни! Ради бога! – досадливо оборвал ее Тиббетс и повернулся к сидевшему за первым от двери столом сотруднику: – Эллис, выведи ее отсюда!

Эллис вскочил со стула, словно его подбросила пружинка.

– Идем, Энни. Давай шевелись, если не хочешь попасть за решетку.

– Ладно, иду. – Энни толкнула дверь. – Что творится, а! Девушке не дают выполнять свою работу.

– Это Энни Беренджер, – объяснила Чейзу Эвелина. – Ричард считал ее лучшим репортером. А теперь вот нам проходу не дает.

– Энни винить трудно, – вмешался Тиббетс. – Ей ведь именно за это и платят, разве нет? – Он взял Эвелину за руку. – Идемте, не будем терять время. Поговорим в моем кабинете. Во всем этом аквариуме единственное приватное место.

Кабинет Лорна находился в дальнем конце коридора, по обе стороны которого располагались тесные, как кладовки, комнатушки. Свободное пространство здесь съежилось до предела. Все занимала мебель: письменный стол, два стула, каталожные ящики. В углу, всеми забытый, увядал папоротник. Удивительно, но при такой тесноте кабинет выглядел аккуратным, четко организованным и чистым – на полках ни пылинки, папки сложены, бумаги рассортированы по двум подносам – «Входящие» и «Исходящие». На стене, на видном месте, красовалась табличка: Чем мельче пес, тем крепче клыки.

Тиббетс и Эвелина сели на стулья. Третий, принесенный из соседней комнаты, стул заняла секретарша-стенографистка. Чейз отошел в сторонку, с удовольствием разминая затекшие ноги.

Но удовольствия хватило минут на десять, а потом накатила усталость. Внимание растекалось, и ему приходилось делать над собой усилие, чтобы понимать, о чем идет речь. Чейз чувствовал себя тем самым чахнущим в углу

папоротником.

Тиббетс задавал вопросы, а Эвелина отвечала своим обычным тихим, навевающим сон голосом. В ее изложении картина трагического вечера получалась довольно ясная и связанная. В шесть часов вся семья села обедать. Говядина со спаржей, на десерт – лимонное суфле. Ричард, как всегда, выпил бокал вина. Самый обычный разговор, обсуждали последние городские сплетни. Говорили о снижении спроса, о росте производственных расходов. Ричард беспокоился из-за возможного иска по делу о клевете, поскольку последняя публикация огорчила Тони Граффама. Потом разговор перескочил на экзамены Филиппа и оценки Кэсси. Какие чудесные в этом году лилии… надо бы привести в порядок подъездную дорожку. Типичный семейный обед.

В девять Ричард ушел – поработать в офисе. По крайней мере, так он сказал. А Эвелина?

– Я отправилась спать.

– А Кэсси и Филипп?

– По-моему, они ушли в кино.

– Значит, все разбрелись по своим делам.

– Да. – Эвелина опустила голову. – Вот, собственно, и все. А в половине первого мне позвонили…

– Давайте вернемся к тому разговору за обедом…

Все началось сначала. Эвелина излагала тот же вариант, добавляя кое-где какую-то незначительную деталь или, наоборот, упуская ту или иную мелочь, но в целом ее рассказ не менялся. Собирая остатки сил, Чейз пребывал в некоем промежуточном состоянии между сном и бодрствованием. Ноги немели, мысли замедляли ход, и уже даже пол представлялся вполне приемлемой заменой кровати. По крайней мере, в отсутствие других горизонтальных поверхностей. В какой-то момент он почувствовал, что соскальзывает по стене…

Чейз вздрогнул и открыл глаза – все с недоумением смотрели на него.

– Ты в порядке? – заботливо спросила Эвелина.

– Извините. – Он тряхнул головой. – Похоже, я устал сильнее, чем думал. Где тут можно выпить чашечку кофе?

– Пройдите по коридору, – сказал Тиббетс. – В конце найдете кофейник да еще диванчик. Почему бы вам не подождать там?

– Иди, – кивнула Эвелина. – Я скоро освобожусь.

Упрашивать его не пришлось. Выскользнув за дверь, Чейз направился на поиски кофейника. Проходя по коридору, он заглянул за первую попавшуюся дверь и обнаружил туалет. Следующая комната оказалась запертой, а в третьей было темно. Присмотревшись, Чейз увидел кушетку, несколько стульев и сваленную в углу мебель. Его внимание привлекло окно на боковой стене – оно выходило не на улицу, а в соседнюю комнату, где за узким столом сидела незнакомая женщина.

Чейза она не видела, о том, что за ней наблюдают, не догадывалась и смотрела прямо перед собой. Что-то в ней – неподвижность, молчаливость – заставило его подойти ближе. Он вдруг ощутил себя охотником, неожиданно натолкнувшимся в лесу на замершую в напряженной позе косулю.

Чейз тихонько закрыл за собой дверь и, не включая света, шагнул к окну. Это было одностороннее зеркало, и женщина по ту сторону могла видеть только собственное отражение, а он мог видеть ее. Их разделяло лишь полудюймовое стекло. Подсматривать, конечно, неприлично, но Чейз ничего не мог с собой поделать. Он чувствовал себя героем фантастического романа, мухой на стене, наблюдателем-невидимкой.

И еще эта женщина…

Она не блистала красотой, не выделялась умопомрачительным нарядом или какой-то особенной прической. Линялые джинсы, не по размеру широкая футболка с эмблемой «Бостон Ред Сокс». Каштановые волосы заплетены – явно

наспех – в косичку. Парочка прядей выбились и висят у виска. Косметики – самая малость, а может, и нет совсем, но лицо из разряда тех, которые не нуждаются в макияже. Такие лица встречаются на страницах каталогов, где модели обнимают козленка или сгребают листья. Здоровый цвет кожи с легкой тенью загара. В общую картину не вписывались разве что глаза, серые или голубые. Чейз уже приметил припухлость вокруг век. Плакала? Догадка подтвердилась, когда женщина смахнула упавшую на щеку слезинку. Потом оглянулась и, не найдя ничего подходящего, наклонилась и вытерла лицо краем футболки. Жест получился беспомощный, какой-то детский, подчеркнувший ее беззащитность и уязвимость. Почему она сидит там, одна, такая несчастная? Кто она? Свидетельница? Жертва?

Женщина подняла голову и посмотрела прямо на него. Чейз инстинктивно подался назад, хотя и знал, что она видит не его, а лишь собственное отражение. На лице ее застыло выражение усталого безразличия. Да, – говорило оно, – я выгляжу ужасно, и мне наплевать.

В замке звякнул ключ. Женщина вздрогнула, выпрямилась и замерла на мгновение в напряженной позе. Потом еще раз вытерла лицо и гордо вскинула голову. Глаза ее опухли, на футболке темнели пятна от слез, но во взгляде светились твердость и даже дерзость. Она напоминала изготовившегося к битве, но и перепуганного до чертиков солдата.

Дверь открылась – в комнату вошел деловитый мужчина в сером костюме, без галстука. Незнакомец выдвинул стул. Ножки чиркнули по полу, и Чейз вздрогнул от удивления – звук получился неожиданно громкий. За стеклом, вероятно, стоял микрофон, и звук передавался на динамик в той комнате, где находился он сам.

– Мисс Вуд? – начал мужчина за стеклом. – Извините, что заставил ждать. Я – лейтенант Меррифилд, представляю полицию штата. – Он протянул руку и улыбнулся, как бы говоря: Я твой приятель. Твой лучший друг. Я здесь только для того, чтобы все поправить.

Женщина – пусть и после секундной паузы – пожала протянутую руку.

Лейтенант сел, устроился удобнее и сочувственно посмотрел на мисс Вуд.

– Вы, должно быть, устали, – голосом заботливого друга произнес он. – Все в порядке? Готовы продолжить?

Она кивнула.

– Вам зачитали ваши права?

Снова кивок.

– Насколько я понял, вы отказались от присутствия адвоката.

– У меня нет адвоката.

Ее голос прозвучал совсем не так, как ожидал Чейз. Мягкий, с легкой хрипотцой и дрожащей низкой ноткой, безотказно действующей на суровое мужское сердце.

– Если хотите, можем пригласить, – предложил Меррифилд. – Правда, это займет какое-то время, и вам придется еще немного потерпеть.

– Я только хочу рассказать, что случилось.

По губам лейтенанта скользнула тень победной улыбки.

– Что ж, пусть будет по-вашему. Давайте начнем. – Он поставил на стол кассетный магнитофон и нажал кнопку записи. – Пожалуйста, назовите ваше имя, адрес и место работы.

Женщина глубоко вдохнула.

– Меня зовут Миранда Вуд. Я живу на Уиллоу-стрит, дом 18. Работаю редактором в «Айленд геральд».

– То есть в газете мистера Тримейна?

– Да.

– Давайте перейдем к событиям прошлой ночи. Расскажите, что случилось. Постарайтесь ничего не упустить. Я хочу знать, какие события привели к смерти мистера Ричарда Тримейна.

Руки и ноги вдруг занемели. К смерти мистера Ричарда Тримейна… Чейз подался вперед, к холодному стеклу. Взгляд его не отрывался от лица Миранды Вуд. Что он видел? Невинность, мягкость. Какая милая маска! Какое отличное прикрытие!

А ведь это любовница моего брата, – внезапно дошло до Чейза, и он весь обратился в слух.

– Мисс Вуд, давайте вернемся на несколько месяцев назад. К тому времени, когда вы познакомились с мистером Тримейном. Расскажите о ваших отношениях.

Миранда посмотрела на свои сцепленные руки. Стол, на котором они лежали, представлял собой типичный образец офисной мебели. Кто-то выцарапал на нем инициалы – Д. М. К. Кто? Такой же бедолага, как она? Такой же ни в чем не повинный простак, ставший жертвой обстоятельств? Она даже ощутила какую-то почти мистическую связь с этим ее неведомым предшественником, также сидевшим здесь перед полицейским, также сражавшимся за свою жизнь и свободу.

– Мисс Вуд? Пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

Миранда подняла голову. Лейтенант вежливо ей улыбался. Улыбчивый палач.

– Извините, я не слышала… отвлеклась.

– Я спрашивал насчет мистера Тримейна. Как вы познакомились?

– Мы познакомились в редакции «Геральд». Я пришла туда около года назад. Мы вместе работали.

– И?…

– И… – Она перевела дыхание. – Ну и… сблизились.

– Кто был инициатором этого, как вы выразились, сближения?

– Он. Начал приглашать меня на ланч. Объяснял, что надо обсудить те или иные дела. Поговорить о газете… об изменении формата…

– По-вашему, это обычное явление, что издатель так тесно общается с редактором?

– В большой газете – может быть. Но «Геральд» – газета маленькая. В ней нет явно выраженного разделения. Все сотрудники занимаются всем… понемногу.

– Итак, вы познакомились с мистером Тримейном в редакции.

– Да.

– А когда вы начали спать с ним?

Вопрос прозвучал резко, и она вздрогнула, словно от пощечины, и выпрямилась:

– Все было не так!

– Вы с ним не спали?

– Нет… то есть да… Да, спала, но это случилось не сразу, а через несколько месяцев. Я не хочу, чтобы вы думали, будто мы пошли на ланч, а потом сразу оказались в постели!

– Понятно. Ваши отношения носили, так сказать, более романтический характер. Вы это пытаетесь сказать?

Она сглотнула. Молча кивнула. В его изложении ее история представала в каком-то ином свете и звучала глупо и банально. Романтический характер. В голой, неприветливой комнате сами эти слова казались до невозможности пошлыми. И вообще все выглядело ужасно.

– Я думала, что люблю его, – прошептала Миранда.

– Что вы сказали, мисс Вуд?

Она повторила громче:

– Я думала, что люблю его. Иначе бы не спала с ним. Отношения на одну ночь – это не мое. Я даже романов не завожу.

– Но в этот раз завели.

– Ричард был другим.

– Каким другим?

– Не таким, как все! Его не только машины да футбол волновали. Ему было интересно то же, что и мне. Наш остров, например. Прочтите статьи, которые он писал, и вы поймете, как он любил этот городок. Мы говорили об этом часами. И я не видела в наших разговорах ничего зазорного. – Она печально вздохнула, опустила глаза и чуть слышно добавила: – Я думала, он не такой… По крайней мере, он казался… особенным…

– А еще он был женат. Но об этом-то вы знали. Миранда понурилась:

– Да… знала…

– Знали, что у него двое детей.

Она кивнула с несчастным видом.

– Вы закрутили роман с женатым мужчиной. Неужели вам было наплевать, что три ни в чем не повинных человека…

– Неужели вы считаете, что я об этом не думала? – вскинулась Миранда. Глаза ее блеснули гневом. – Думала. Дня не проходило, чтобы не думала. Просыпалась и думала. Ложилась спать и думала. Я ненавидела себя. Думала о его семье. Об

Эвелине. О близнецах. Я чувствовала себя… Не знаю… как будто попала в западню.

– В западню?

– Да. Любовь стала западней. Или то, что я принимала за любовь. – Она помолчала. Неуверенно пожала плечами. – Может быть, я и не любила его по-настоящему. То есть не любила настоящего Ричарда.

– И что же привело вас к столь удивительному прозрению?

– То, что я узнала о нем.

– А что вы узнали о нем?

– Как он обращается с людьми… как использует. Например, своих работников.

– Итак, вы увидели настоящего Ричарда и разлюбили его.

– Да. Я перестала с ним встречаться. – Миранда выдохнула, словно самое трудное, самое болезненное осталось позади. – Это было месяц назад.

– Вы злились на него?

– Скорее, чувствовала себя преданной. Обманутой. Все оказалось ложью.

– Так вы рассердились на него?

– Наверное.

– Получается, вы целый месяц злились на мистера Тримейна.

– Иногда. Но еще больше я злилась на себя. За то, что была такой дурой. И он не оставлял меня в покое. Постоянно звонил, говорил, что хочет все вернуть.

– Это вас тоже злило.

– Конечно.

– Злило так, что вы решили его убить?

Миранда вскинула голову:

– Нет.

– Злило так, что вы схватили кухонный нож?

– Нет!

– Злило так, что вошли в спальню – вашу спальню, где он лежал голый на кровати, – и ударили его ножом в грудь?

– Нет! Нет! Нет! – выкрикнула она и всхлипнула. Отраженный эхом звук собственного голоса в этой голой, холодной коробке показался ей чужим криком. Миранда уронила голову на руки. – Нет… – Она начала подниматься со стула – хватит с нее этих ужасных вопросов и…

– Сядьте, мисс Вуд. Мы еще не закончили. Миранда послушно опустилась на сиденье.

– Я не убивала его. – Голос предательски дрогнул. – Я же говорила, что нашла его на моей кровати. Вернулась домой, а он лежит…

– Мисс Вуд…

– Когда это случилось, я была на берегу. Сидела на скамейке. Я же говорила! Но никто не слушает. Никто не верит. Никто…

– Мисс Вуд, у меня есть еще несколько вопросов.

Ответить Миранда уже не могла – по ее щекам катились слезы, и лейтенант Меррифилд слышал только всхлипы. Подождав немного, он выключил магнитофон.

– Ладно. Сделаем перерыв на час. Потом продолжим.

Миранда не шелохнулась. Она слышала, как скрипнул стул, как Меррифилд вышел из комнаты, как закрылась дверь. Немного погодя дверь снова открылась.

– Мисс Вуд? Я отведу вас в камеру.

Миранда медленно поднялась и повернулась к выходу. Стоявший у порога молодой полицейский доброжелательно улыбнулся ей. Судя по нашивке, его фамилия была Снайп. Она смутно помнила, что видела его когда-то, в прошлой жизни… до тюрьмы. Да, точно. Однажды, на Рождество, он разорвал ее штрафной талон. Галантный жест. Интересно, что он думает о ней теперь, когда все считают ее убийцей.

Миранда послушно вышла за ним в коридор. В дальнем углу лейтенант Меррифилд вполголоса доказывал что-то шефу местной полиции Тиббетсу. Дабы не мешать им, вежливый Снайп повел задержанную в противоположную сторону. Но далеко она не ушла – сбилась с шагу, споткнулась и остановилась.

В другом конце коридора стоял и смотрел на нее незнакомый мужчина. Никогда раньше Миранда его не видела, потому что если бы видела, то наверняка бы запомнила. Засунув руки в карманы, он стоял неприступным препятствием, огромный, широкоплечий. Стоял прямо перед ней в тесном коридорчике. На полицейского незнакомец не походил. У копов стандартная внешность, а этот человек в их стандарты не вписывался – небритый, растрепанный, в мятой рубашке. Больше всего Миранду встревожило то, как он смотрит на нее. Не с равнодушным любопытством постороннего. Нет, куда враждебнее. Он смотрел на нее глазами судьи и присяжных, взвешивал факты и готовился объявить виновной.

– Идемте, мисс Вуд, – сказал Снайп. – Нам за угол.

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы шагнуть вперед, к этому устрашающему препятствию. Он отступил, и, проходя мимо, она ощутила его обжигающий взгляд, услышала, как он затаил дыхание, словно не желая дышать одним с ней воздухом, словно одно лишь ее присутствие отравляло атмосферу.

Последние двенадцать часов с ней обращались как с преступницей – надели наручники, сняли отпечатки пальцев, обыскали, проверив даже самые интимные места. Ее допрашивали, называли убийцей, унижали. Но только сейчас, под взглядом этого незнакомца, она почувствовала себя мерзкой, презренной тварью. И тогда в ней вдруг вспыхнул гнев. Неукротимый, всепоглощающий.

Миранда остановилась и посмотрела на него. Их взгляды встретились. Ну же, черт возьми! Кто бы ты ни был, посмотри на меня! Посмотри хорошенько. Ты смотришь на убийцу? Доволен?

Смотревшие на нее сверху глаза были темны, как ночь. Но потом в глубине их что-то мелькнуло. Неуверенность? Растерянность? Как будто то, что он увидел, не совпадало с тем, что он представлял.

За спиной у нее открылась дверь. Быстрые шаги…

– Боже, – прошептал голос.

Миранда обернулась.

Эвелина стояла у двери туалета, замерев на полушаге.

– Чейз, это… это она…

Незнакомец быстро подошел к Эвелине и предложил руку. Она вцепилась в нее, словно в спасательный канат.

– Боже… – беспомощно прошептала вдова. – Я не могу… не могу ее видеть.

Миранда предпочла бы убежать, но ее парализовало чувство вины. То, что она сделала этой женщине, всей семье, было ужасно. Она принесла им горе. И пусть не она убила Ричарда, грех навсегда останется на ней. Как и вечная мука.

– Миссис Тримейн, – тихо сказала Миранда, – мне очень жаль.

Эвелина уткнулась лицом в плечо незнакомца.

– Чейз, пожалуйста… Убери ее отсюда.

– Он любил вас, – продолжала Миранда. – Я хочу, чтобы вы знали это. Он не переставал любить вас.

– Уберите ее отсюда! – крикнула Эвелина. Чейз повернулся к полицейскому.

– Пожалуйста, – спокойно сказал он. – Уведите ее.

Снайп взял Миранду за руку.

– Идемте, мисс.

– Я не убивала его, миссис Тримейн! – крикнула Миранда через плечо. – Вы должны поверить мне!

– Дрянь! – завопила Эвелина. – Грязная шлюха! Ты сломала мне жизнь!

В следующий момент вдова оттолкнула Чейза и шагнула к Миранде. Глаза ее горели, лицо, и без того бледное, стало белым как мел. Наверное, так мог бы выглядеть ангел мести.

– Ты сломала мне жизнь!

Эхо этого пронзительного крика звенело у Миранды в ушах до самой камеры.

Обессиленная, она переступила порог и остановилась. Дверь захлопнулась. Шаги Снайпа стихли вдалеке. Миранда осталась одна. В клетке.

Стены обступили ее с четырех сторон. Миранда попыталась перевести дыхание и поняла, что задыхается. Она проковыляла к окну и попробовала дотянуться до решетки, но не смогла. Миранда подтащила к стене матрас, свернула и встала на него, но и тогда ее роста хватило ровно настолько, чтобы заглянуть за подоконник и втянуть глоток свободы. Там, за окном, светило солнце. Она видела верхушки тополей за забором, пару крыш, парящих в небе чаек. Миранда вдохнула глубже и почти ощутила запах моря. Боже, какой же он сладкий! Она схватилась за решетки с такой силой, что они врезались в ладони. Прижала к

подоконнику лицо. Зажмурилась. И приказала себе успокоиться и не паниковать.

Я невиновна. Они должны мне поверить.

А если не поверят?

Нет, черт возьми. Не думай так.

Соберись и сосредоточься на чем-то другом.

Тот мужчина в коридоре. Кто он? Эвелина называла его по имени. Как? Да, Чейз. В памяти что-то шевельнулось. Похоже, она уже слышала это имя.

Миранда ухватилась за ускользающую мысль. Чейз. Чейз. Кто-то произносил это имя в ее присутствии. Надо вспомнить голос, связать его с именем. Надо…

Память как будто распахнулась, и из ее хранилища зазвучал голос Ричарда. Я не виделся с братом уже много лет. Мы разошлись после смерти отца. Впрочем, Чейз всегда был проблемным ребенком…

Вот оно что. Миранда открыла глаза. Но возможно ли такое? Эти двое были абсолютно разные. Она представила Ричарда – голубоглазый, русые волосы, загорелое, обветренное лицо. И Чейз… темный, смуглый… Ни малейшего сходства. Братья? Трудно поверить. Но только это могло объяснить его холодный, презрительный взгляд. Он считал ее убийцей Ричарда и, столкнувшись с ней в коридоре, не смог скрыть отвращения и ненависти.

Миранда опустилась на матрас. Легла, устроившись так, чтобы видеть клочок голубого неба и облако. Август. День будет жаркий. Ее футболка уже пропиталась потом.

Она закрыла глаза и постаралась представить себя парящей в чистом небе чайкой… Интересно, как бы выглядел сверху остров?

Не получилось. Вместо острова она видела перед собой обвиняющие глаза Чейза Тримейна.

Глава 3

Что за ужасное создание!

Мисс Лила Сент-Джон смотрела на своего любимца со смешанным чувством нежности и жалости. Сэр Оскар Генри Сан-Анджело III, более известный как Оззи, был представителем редкой породы португальской водяной собаки, известной также как кан-диагуа. Каковы отличительные признаки этой породы, в этом мисс Сент-Джон так до конца и не разобралась. Иногда ей казалось, что данный экземпляр есть некий генетический выверт. Пса подарила племянница – чтобы вы не скучали, тетушка, – и с тех пор мисс Сент-Джон постоянно ломала голову, пытаясь вспомнить, чем могла так насолить родственнице. Нет, Оззи вовсе не был начисто лишен достоинств. Пес не кусался, не проявлял интереса к кошке и даже исполнял – пусть и без особого рвения – обязанности сторожевой собаки. Но при этом он ел, как лошадь, дергал носом, как мышь, и становился абсолютно невыносимым, если его не выводили хотя бы на одну из двух обязательных дневных прогулок. Тогда он подходил к двери и начинал выть.

Вот так, как сейчас.

О да, мисс Сент-Джон знала этот взгляд. И пусть самих глаз не было видно из-за всей этой длиннющей шерсти, она понимала, чего он требует.

Стоило открыть дверь, как черный ком шерсти вылетел из дому, скатился по ступенькам и стремглав полетел к лесу. И мисс Сент-Джон не осталось ничего другого, как покорно последовать за ним туда же.

Вечер выдался теплый и тихий, и струившийся с неба мягкий свет обволакивал землю особенным, магическим сиянием. В такой вечер, думала мисс Сент-Джон, можно увидеть что-нибудь необычное. Косулю или оленя, лисенка или даже сову.

Проходя между деревьями, она заметила, что пес ведет ее прямиком к коттеджу Роуз-Хилл, летней резиденции Тримейнов. Какая трагедия, эта ужасная смерть Ричарда! Вообще-то большой симпатии он не вызывал, но они были соседями, и она видела его иногда в окне – сидящим за столом, сосредоточенным. При

встрече Ричард всегда был неизменно вежлив, почтителен, но мисс Сент-Джон подозревала, что такое его поведение проистекало из воспитания и привычки, а не из искреннего уважения. Старушки не имели для него никакой практической ценности, и он просто терпел их.

Другое дело молодые женщины.

Вскрывшиеся недавно обстоятельства его смерти всерьез обеспокоили мисс Сент-Джон. Дело было, собственно, не в самом факте убийства, а в личности обвиняемой. Мисс Сент-Джон знала Миранду Вуд и несколько раз с ней разговаривала. В холодную зиму, при обледенелых дорогах только отчаянные фанатики зеленой природы посещали заседания местного клуба садоводов. Именно там они и познакомились, когда сидели на лекции о триплоидных ноготках, а потом разговорились о выращивании глоксинии. Миранда тоже была вежлива и почтительна, но у нее это шло от сердца. Милая девушка и глаза честные. Да и вообще, разве может быть убийцей человек, столь страстно увлеченный цветами и столь заботливо относящийся ко всему живому?

Все эти разлетавшиеся по городу нехорошие слухи серьезно ее беспокоили. Миранда Вуд – убийца? Нет. Интуиция подсказывала, что этого не может быть, а интуиция никогда еще мисс Сент-Джон не подводила.

Промчавшись через последнюю рощицу, Оззи стрелой устремился к коттеджу Роуз-Хилл. Мисс Сент-Джон покорно последовала за ним. Вот тогда-то она и увидела мелькающий за деревьями огонек. Огонек в окне коттеджа Тримейнов. Впрочем, едва вспыхнув, он тут же погас.

Мисс Сент-Джон застыла как вкопанная. Первая пришедшая в голову мысль была из разряда суеверных. Привидение? Этим коттеджем пользовался один только Ричард Тримейн, но ведь он мертв, а значит…

Впрочем, уже в следующий момент к рулю управления встала рациональная половина мозга; та половина, что и руководила повседневным поведением мисс Сент-Джон. Конечно, в доме кто-то из Тримейнов. Может быть, Эвелина пришла забрать какие-то вещи мужа.

И все же мисс Сент-Джон не могла отделаться от неясного ощущения беспокойства.

Пройдя по подъездной дорожке, она поднялась по ступенькам и тихонько постучала.

– Здесь есть кто-нибудь? Эвелина? Кэсси?

Ответом была тишина.

Мисс Сент-Джон попыталась заглянуть в окно, но внутри было темно.

– Эй? – окликнула она уже громче, и на этот раз вроде бы услышала что-то. Какой-то приглушенный стук. И снова тишина.

Оззи залаял, запрыгал по крыльцу, колотя лапами по деревянному полу.

– Тихо! – скомандовала мисс Сент-Джон. – Сидеть!

Пес заскулил, сел и с явной обидой посмотрел на хозяйку.

Мисс Сент-Джон постояла еще немножко, прислушиваясь, но никаких других звуков из дома не доносилось, и только Оззи упрямо лупил хвостом по крыльцу.

Может, стоит позвонить в полицию? Она обдумывала этот шаг всю дорогу до дома, но там, в светлой, веселой кухоньке, сама эта мысль показалась ей глупой и даже панической. До северного побережья полчаса на машине. Захочет ли шеф полиции посылать сюда своего человека? Ради чего и на каком основании? Только потому, что какая-то старушка якобы увидела какой-то огонек? Да и чем таким особенным мог привлечь вора Роуз-Хилл?

– Это только мое воображение. Или глаза подвели. Как-никак семьдесят четыре года. Трудно ожидать, что в таком возрасте у человека все работает как надо.

Оззи, повертевшись, разлегся на полу и быстро уснул.

– Господи, – вздохнула мисс Сент-Джон. – Я уже разговариваю с собакой. И чего ждать дальше?

Оззи, как обычно, свое мнение оставил при себе.

В зале суда не было свободных мест, да еще с десяток любопытных остались в коридоре, а ведь суд еще и не начинался, и на заседании всего лишь шла речь об освобождении под залог. По закону, этот вопрос должен быть рассмотрен в течение сорока восьми часов после ареста.

Чейз, сидевший во втором ряду вместе с Эвелиной и ее отцом, полагал, что дело не займет много времени. Факты очевидны, вина подозреваемой неоспорима. Судья сделает короткое заявление, ударит молоточком, и все разойдутся.

А убийцу вернут в тюремную камеру, где ей самое место.

– Цирк, вот что это такое, – проворчал отец Эвелины, Ноа Деболт. Крепкий, седовласый, с густым низким голосом, он и в шестьдесят шесть лет выглядел внушительно и грозно. В его присутствии Чейз невольно выпрямлял спину и благочинно складывал руки на коленях. Рядом с таким человеком никто не позволял себе вольностей, и все, даже взрослые, демонстрировали любезность и почтительность.

И даже начальник полиции, как заметил Чейз, не был исключением. Проходя мимо, Лорн Тиббетс остановился и вежливо приподнял шляпу.

Участники занимали положенные места. За своим столом, перебирая бумаги, устроился заместитель окружного прокурора из Басс-Харбор. Лорн и Эллис, представлявшие половину местной полиции, сидели слева – строгие, в форме, с аккуратно причесанными волосами и даже одинаковым пробором. Молоденький адвокат в костюме, выглядевшем на две его годовые зарплаты, возился с замком кожаного кейса.

– Лучше бы очистили зал, – фыркнул Ноа. – Какого черта делают тут все эти зрители? Я называю это вторжением в частную жизнь.

– Заседание открыто для публики, папа, – устало объяснила Эвелина.

– Публика бывает разная. Зевакам здесь не место. Их это не касается. – Ноа приподнялся и помахал Лорну, пытаясь привлечь его внимание, но намасленная голова шефа полиции не повернулась – он смотрел строго перед собой. Ноа перевел взгляд на судебного пристава, но тот выскользнул в боковую дверь. – Куда катится этот город? – раздраженно пробормотал старик, опускаясь на стул. – Столько приезжих. О приличиях никто и не вспоминает.

– Успокойся, папа, – пробормотала Эвелина и, оглядевшись, заговорила обеспокоенно: – Где близнецы? Почему их здесь нет? Я хочу, чтобы судья видел их. Бедняжки… остались без отца.

– Они уже не дети, – хмыкнул Ноа. – И впечатления ни на кого не произведут.

– Вон. Я их вижу. – Чейз заметил Кэсси и Филиппа на одном из задних рядов. Должно быть, они вошли позже, с другими зрителями.

Что ж, публика на месте. Теперь очередь за двумя главными актерами. Судьей. И обвиняемой.

И тут же, словно в ответ на его мысли, боковая дверь открылась, и в зал, ведя за руку хрупкую на вид женщину, вошел здоровенный пристав.

Произошедшая с ней перемена поразила Чейза – Миранда Вуд выглядела бледной тенью себя самой. Рядом с великаном бейлифом она казалась девочкой-подростком; ее голова едва доставала ему до плеча. Впечатление невинности усиливал скромный наряд – синяя юбка и простая белая блузка, – выбранный несомненно адвокатом. Роскошные каштановые волосы аккуратно зачесаны назад и собраны в незамысловатый хвостик. Вместо ленточки обычная резинка. Ничего дерзкого, вызывающего, эффектного. Никаких украшений, никакого макияжа. Даже бледность абсолютно естественная, достигнутая без помощи пудры.

По пути к своему месту женщина лишь однажды подняла голову и посмотрела в сторону зала. Взгляд скользнул по собравшимся и ненадолго задержался на Чейзе. Зрительный контакт продолжался считанные мгновения, и Чейз, как и все остальные, увидел хрупкую маску решительности и собранности. Как и все остальные, он увидел в ее лице гордость. Как и все остальные, прочел язык тела: прямая спина, задранный подбородок. Все остальные увидели эту

демонстрацию гордости. Бесстыдница, подумали они. Наглая, не раскаявшаяся в содеянном убийца. Чейз хотел бы разделить общее мнение – тогда ее вина выглядела бы бесспорной, а наказание заслуженным.

Но он видел то, что скрывала маска. Он видел это в ее глазах двумя днями раньше, когда она смотрела в одностороннее зеркало. Страх. Ей было страшно.

И гордость не позволяла ей показать это.

С первой секунды, едва Миранда вошла в зал суда, реальность как будто перестала существовать. Руки и ноги онемели. Если она не упала, то лишь благодаря бейлифу, крепко державшему ее за руку. Публика – если можно назвать так битком набитый зрителями зал – предстала калейдоскопом лиц. Люди пришли на спектакль, пришли посмотреть ее представление. Одна половина собралась повесить ее, другая – поглазеть. Проходя по залу взглядом, Миранда замечала знакомые лица. Здесь были ее коллеги из «Геральд»: главный редактор, Джил Виккери – олицетворение профессионализма и штатные репортеры, Энни Беренджер и Тай Вейнгардт – обе в классическом образе помятого писаки. Обе подруги – если они и были таковыми когда-то – старательно демонстрировали беспристрастность и полный нейтралитет.

Во всем собрании она наткнулась лишь на одно дружеское лицо – мистера Ланцо, ее соседа. Я с тобой, милая, – прокричал он одними губами, и Миранда невольно улыбнулась в ответ.

И тут же взгляд зацепился за каменный лик Чейза Тримейна, и улыбка на ее губах моментально увяла. Из всех присутствующих он, более других, вызвал желание спрятаться, заползти в какую-нибудь темную расщелину или куда угодно еще, чтобы только укрыться от этих суровых глаз. Рядом с ним сидели Эвелина Тримейн – в черном вдовьем платье, с бледным, как маска смерти, лицом – и ее отец, городской патриарх, Ноа Деболт, одним лишь стальным взглядом умевший обескуражить любого, кто смел перечить ему. Сейчас его глаза сверлили Миранду.

Потянув за руку, бейлиф подвел Миранду к столу защиты. Она робко опустилась на стул справа от адвоката, приветствовавшего ее сдержанным кивком. Выпускник «Лиги плюща», Рэндалл Пэлам оделся в строгом соответствии со своей ролью, но, глядя на него, Миранда думала лишь о том, как молодо он

выглядит. Рядом с ним она, в свои двадцать девять, чувствовала себя женщиной среднего возраста. Однако выбирать не приходилось. На Шефердс-Айленд было всего два практикующих адвоката. Второй, Лес Харди, человек опытный, с хорошей репутацией и соответствующими оной гонорарами, к сожалению, защищать ее не мог, поскольку в списке его клиентов фигурировали имена Деболта и Тримейна.

В случае с Рэндаллом Пэламом никакого конфликта интересов не было. Не страдал он и от избытка клиентов. Человек в городе новый, Пэлам был готов защищать любого, даже местную убийцу.

– У нас ведь все хорошо, правда, мистер Пэлам? – тихонько спросила Миранда.

– Говорить буду я. Ваше дело сидеть и показывать, что вы невиновны.

– Я невиновна.

На это заявление ответа от защитника не последовало.

– Его честь Герберт Клименко – прошу всех встать, – объявил бейлиф.

Неторопливое шарканье возвестило появление судьи Клименко. Протиснувшись за стол, он тяжело, мешком, опустился в кресло, порылся в карманах и, в конце концов, водрузил на переносицу бифокальные очки в роговой оправе.

– Старик ведь уже в отставке, – прошептал кто-то в переднем ряду. – И вот, вытащили. У него ведь, говорят, слабоумие.

– А еще говорят, что он глух! – бросил в зал Клименко и ударил молоточком по дощечке. – Объявляю заседание открытым.

Слушание началось. Миранда помалкивала, предоставив адвокату делать то, что он считает нужным. За те сорок пять минут, что двое мужчин, одного из которых Миранда едва знала, а другого не знала вовсе, решали вопрос о ее свободе, она не произнесла ни слова. Речь не шла о ее виновности или невиновности – это предстояло определить в ходе суда. Сейчас, на предварительном слушании, предстояло решить другой, неотложный вопрос: можно ли отпустить

обвиняемую на свободу до начала процесса?

Заместитель окружного прокурора зачитал список причин, исходя из которых ее следовало оставить за решеткой. Тяжесть улик. Опасность для общества. Несомненный риск, поскольку обвиняемая может сбежать. Жестокий характер преступления, подчеркнул он, указывает на брутальность натуры обвиняемой. Миранда слушала и не верила своим ушам: чудовищем, на которое постоянно указывал заместитель прокурора, была она. Неужели они считают меня монстром? Неужели верят, что я – зло? Неужели думают, что я убью еще кого-то? Вопросы вертелись в голове, а спину жгли неприязненные взгляды собравшихся в зале горожан.

К происходящему Миранда вернулась только после того, как ее попросили, повторно, встать, чтобы выслушать решение судьи Клименко. Едва сдерживая нервную дрожь, она поднялась. Клименко смотрел на нее поверх сдвинутых на кончик носа очков.

– Суд устанавливает залог в сумме сто тысяч долларов наличными или двести тысяч в виде обеспеченной собственности. – Молоток опустился. – Заседание закончено.

Миранда как будто остолбенела. За спиной у нее поднимались и тянулись к выходу зрители, а она стояла, скованная отчаянием.

– Это лучшее, чего я смог добиться, – прошептал Пэлам.

С таким же успехом они могли назначить и миллион. У нее не было не только таких денег, но и каких-либо возможностей собрать их.

– Идемте, мисс Вуд, – сказал бейлиф. – Пора возвращаться.

Покорно, не говоря ни слова, она прошла за ним через зал под любопытными взглядами и лишь у двери задержала шаг и, обернувшись, посмотрела на Чейза Тримейна. Он тоже смотрел на нее, и в какой-то момент в его глазах мелькнуло что-то, чего Миранда не видела раньше. Сочувствие. Мелькнуло и ушло.

Она сморгнула подступившие слезы и вышла вслед за приставом.

Пора возвращаться. В тюрьму.

– Теперь ей не выбраться, – сказала Эвелина.

– Сто тысяч долларов? – Чейз покачал головой. – Не такая уж нереальная сумма.

– Для нас – может быть. Но только не для такой, как она, – фыркнула презрительно Эвелина, и ее красивое, ухоженное лицо омрачила гримаса злобного удовлетворения. – Нет, нет, думаю, мисс Миранда Вуд останется там, где ей и надлежит быть – за решеткой.

– Уперлась и стоит на своем. – Лорн Тиббетс развел руками. – Мы допрашиваем ее уже целую неделю, но слышим одно и то же. Держится за свою версию и не отходит от нее ни на дюйм.

– Не важно. – Эвелина пожала плечами. – Факты ведь остаются фактами, и с ними не поспоришь.

Они сидели на веранде, куда их выгнала жара. Солнце лишь недавно заглянуло в окна, но уже превратило комнаты в духовки. Чейз успел забыть, какими невыносимо душными бывают здесь августовские дни. В его памяти Мэн остался вечно прохладным, отгороженным от тягот лета. Вот тебе и детские воспоминания. Он налил себе второй стакан чаю со льдом и протянул кувшин Тиббетсу.

– Итак, Лорн, что вы сами-то думаете? – поинтересовался Чейз. – Считаете, имеющихся доказательств достаточно для вынесения обвинительного приговора?

– Может быть. Но в доказательной базе есть пробелы.

– Какие пробелы? – строго спросила Эвелина.

Ну вот, – подумал Чейз, – теперь моя невестка больше похожа на себя. Полный самоконтроль и никаких истерик. Не то что в тот первый день, в участке.

Собранная, уверенная, такой он и помнил ее со школьных времен. Эвелина, Снежная королева.

– Есть проблема с отпечатками, – ответил Тиббетс.

– Что вы имеете в виду? – удивился Чейз. – Разве их не было на ноже?

– В том-то и дело. Рукоятку начисто вытерли. Честно говоря, я этого не понимаю. Мы ведь говорим о преступлении на почве страсти, понимаете? Женщина пользуется собственным ножом. Импульсивно. Не думая о последствиях. Так зачем же стирать затем отпечатки?

– Должно быть, она смышленее, чем вы предполагаете, – усмехнулась Эвелина. – Вот уже и вас смутила.

– И все же в стандартную модель непреднамеренного убийства этот факт вписывается плохо.

– Есть что-то еще? – спросил Чейз. – Какие-то другие проблемы?

– Сама подозреваемая, – вздохнул Тиббетс. – Крепкий орешек.

– Разумеется, она будет стоять на своем, – пожала плечами Эвелина. – На кону ее жизнь.

– Мисс Вуд прошла проверку на полиграфе.

– Вы проверяли ее на детекторе лжи? – удивился Чейз.

– Она сама на этом настояла. Но даже если бы и не прошла, для нее это ничего бы не значило. Результат такой проверки не принимается судом в качестве улики.

– Тогда почему это на вас так подействовало? – Эвелина даже повысила голос. – Почему вы переменили свое мнение?

– Не переменил. Просто меня это беспокоит. Чейз отвел глаза. Его тоже кое-что беспокоило. Но не факты – интуиция.

Логика, здравый смысл, имеющиеся улики – все указывало на то, что брата убила Миранда Вуд. Но почему ему так трудно в это поверить?

Первые сомнения зародились еще неделю назад, в полицейском участке, когда он случайно увидел ее на допросе. Он слышал вопросы, слышал ответы, невнятные, невразумительные объяснения. Его уверенности в виновности мисс Вуд они не поколебали. Но потом, когда они столкнулись лицом к лицу в коридоре и она посмотрела ему в глаза, Чейз почувствовал, как в нем зашевелились сомнения. Разве убийца смогла бы смотреть так твердо? Разве достало бы виновной смелости предстать перед обвинителем? И даже когда появилась Эвелина, Миранда не стала убегать, прятаться. Вместо этого она сказала нечто совершенно неожиданное. Он любил вас. Я хочу, чтобы вы знали это. Такого от убийцы никто не ждал. Она искренне пыталась утешить вдову. Зачем? Это не принесло ей никаких дополнительных баллов. Ни в глазах полицейских, ни на слушании. Она могла бы просто пройти мимо, сделав вид, что не заметила Эвелину, оставив несчастную женщину со своим горем. Но Миранда поступила иначе, проявив доброту и сострадание.

Этого Чейз не понимал.

– Прямых улик нет, косвенных более чем достаточно, – продолжал Тиббетс. – И судья, очевидно, принял это во внимание. Посмотрите, какой назначен залог. Клименко прекрасно понимал, что таких денег ей не собрать. Так что в ближайшее время мисс Вуд на свободу не выйдет. Если только у нее нет в запасе богатенького дядюшки.

– Вряд ли, – сказала Эвелина. – Она ведь нам не чета. Из тех, бедняков.

Нам не чета, – подумал Чейз. Но и не белая шваль, как говорили в старину. Он сам убедился в этом, наблюдая за ней через стекло. Шваль – это дешевка, те, кого легко согнуть и легко купить. Миранда Вуд – женщина другой породы.

На подъездной дорожке появилась полицейская машина.

Тиббетс вздохнул:

– Ну вот. Не дают человеку покоя. Даже в выходной.

Из машины вышел Эллис Снайп – подтянутый, в новенькой форме. Похрустывая ботинками по гравию, он пересек поворотный круг и подошел к веранде.

– Привет, Лорн. Так и подумал, что найду тебя здесь.

– Эллис, сегодня воскресенье. Не забыл?

– Да, помню. Но у нас как бы проблема.

– Если опять с туалетом, то просто вызови сантехника. Наряд я подпишу.

– Дело не в этом… – Эллис неуверенно посмотрел на Эвелину. – Просто та женщина, Миранда Вуд…

Тиббетс поднялся из-за стола и шагнул к перилам.

– Что еще такое?

– Ей ведь назначили залог, да? Сто тысяч долларов.

– Да, верно.

– Ну вот, кто-то заплатил.

– Что?

– Кто-то внес за нее залог. Мы только что получили судебный приказ отпустить Миранду Вуд.

Пауза растянулась едва ли не на минуту, и оборвал ее низкий, сочащийся злобой голос Эвелины.

– Кто внес залог?

Эллис покачал головой:

– Не знаю, мэм. В суде сказали, что деньги поступили от неизвестного через посредника, какого-то бостонского адвоката. Что делать будем, а, Лорн?

Тиббетс устало вздохнул, потер затылок, переступил с ноги на ногу и, наконец, обернулся:

– Мне очень жаль, Эвелина. Извините.

– Лорн, вы не сделаете этого! – воскликнула она.

– У меня нет выбора. – Он посмотрел на стоящего внизу Снайпа: – Ты получил распоряжение суда? Выполняй. Отпусти ее.

– Не понимаю, – пробормотала Миранда, растерянно глядя на адвоката. – Кто мог это сделать?

– Наверное, какой-то друг, – сухо ответил Рэндалл Пэлам. – Очень хороший друг.

– Но у меня нет друзей с такими деньгами. Ни у кого из них не нашлось бы лишних ста тысяч долларов.

– Тем не менее залог кто-то внес. Вот вам совет: дареному коню в зубы не смотрят.

– Мне бы только узнать кто…

– Делом занимался один адвокат в Бостоне. По его словам, клиент пожелал сохранить анонимность.

– Но почему?

– Может быть, ваш благодетель не хочет такой известности.

Не хочет, чтобы люди узнали, что он помогает убийце?

– Он – или она – имеет полное право не называть себя. Я бы рекомендовал воспользоваться предоставленным шансом. Альтернатива – остаться в тюрьме. Не самое уютное местечко.

Миранда согласно кивнула:

– Да уж, не самое. – Это мягко говоря. Всю неделю она с тоской смотрела в окно, мечтая о таких простых, привычных удовольствиях, как прогулка у моря или приличная еда. Снова вдохнуть соленый воздух, подставить лицо теплым солнечным лучам… Теперь все это было так близко – надо лишь сделать шаг. – Я хотела бы узнать, кого могу поблагодарить, – тихо сказала она.

– Невозможно. Послушайте меня и просто примите как благодеяние. – Пэлам захлопнул кейс.

Жест этот отозвался вдруг раздражением к напыщенному юнцу, молокососу, такому чистенькому, деловитому, в дорогом сером костюме. Рэндалл Пэлам, эсквайр.

– Я обо всем уже договорился. Вы можете выйти во второй половине дня. Вернетесь домой?

Миранда ответила не сразу. Перед глазами снова встала ужасная картина: раскинувшийся на ее кровати Ричард и окровавленный нож на полу. В доме потом убрали – спасибо службе помощи на дому. Об этом позаботился сосед, мистер Ланцо. По его словам, теперь все выглядит так, будто ничего и не случилось. Ничто не напомнит ей о разыгравшейся в спальне трагедии. Никаких следов.

Кроме тех, что остались в ее памяти.

Но больше идти некуда.

Миранда кивнула:

– Я… Да, наверное, вернусь домой.

– Правила вы знаете, да? Из округа не выезжать. Можете съездить в Басс-Харбор, не дальше. Постоянно оставаться на связи. И ни с кем, повторяю, ни с кем не обсуждать это дело. Мне и без того предстоит нелегкая работа, так что постарайтесь ее не осложнять.

– И мы ведь не хотим, чтобы вы теряли заработок? – пробормотала она.

Пэлам то ли не услышал, то ли сделал вид, что не услышал. Повернулся, шагнул к двери, но вдруг остановился и посмотрел на нее через плечо.

– Мы еще можем заключить сделку.

Глядя ему в глаза, она твердо произнесла одно лишь слово:

– Нет.

– Заключив сделку, мы смогли бы исключить худшее. Вместо двадцати пяти лет вы получили бы всего десять.

– Я не убивала его.

Секунду или две Пэлам молча и бесстрастно смотрел на нее, потом нетерпеливо пожал плечами и отвернулся.

– Пойдите на сделку. Признайте себя виновной. Это мой профессиональный совет. Подумайте.

Советом Миранда воспользовалась. Сидя в унылой, сумрачной камере в ожидании бумаг об освобождении, она думала об этом несколько часов. Но когда вышла из здания на залитую солнцем улицу, все мысли о торге, в результате которого из жизни пришлось бы вычеркнуть десять лет, вылетели из головы. Теперь такой вариант представлялся абсолютно неприемлемым. Миранда постояла немного на тротуаре, глядя в безоблачное голубое небо, вдыхая воздух, которым дышала всю жизнь, а потом повернулась и пешком направилась к дому.

Прогулка длиной в милю пошла на пользу: щеки порозовели, отвыкшие от работы мышцы приятно ныли. Дом выглядел как всегда: крытый дранкой коттедж, аккуратная лужайка – кто-то поливал ее все эти дни, – выложенная кирпичом дорожка, живая изгородь из кустов гортензии с пушистыми белыми цветками, сливающимися издалека в висящее над землей облако. Скромное жилище, но оно – ее дом.

Миранда прошла по дорожке, поднялась по ступенькам к веранде и только лишь тогда увидела написанные мылом на переднем окне злые, несправедливые слова. Она замерла и сжалась, уязвленная жестокостью послания.

Убийца.

В порыве внезапной ярости Миранда шагнула к окну и вытерла стекло рукавом. Оскорбительная надпись расползлась в мыльных потеках. Кто мог сделать такое? Определенно не соседи. Дети. Должно быть, дети. Кучка хулиганов. Или приезжие.

Но разве от этого легче?

Конечно, что думали приезжие, то никого не интересовало. Значение имело только мнение проживающих на острове постоянно и круглогодично. Тех, кого встречаешь каждый день.

У двери Миранда замешкалась, но, преодолев непонятную робость, повернула ручку и вошла.

Внутри, к ее огромному облегчению, все было в порядке. На столике лежал счет от компании «Добросовестные уборщики», которая провела в доме, согласно записи в наряде, «полную уборку с удалением пятен в спальне». Наряд подписал сосед, мистер Ланцо.

Первым делом Миранда прошлась по дому: заглянула в кухню, в ванную, во вторую спальню, оставив свою напоследок. На пороге она остановилась. В комнате царили порядок и чистота: натертый до блеска пол, аккуратно застеленная кровать, коврик без единого пятнышка. Ни намека на убийство, ни малейшего следа смерти. Обычная спальня, светлая, с окнами на солнечной

стороне и непритязательной мебелью.

Миранда не шелохнулась, даже когда зазвонил телефон. Впрочем, трезвонил он недолго и скоро умолк.

Она вошла. Села на кровать. То, что случилось здесь, казалось теперь плохим сном. Я могу очнуться, если только хорошенько постараюсь. Я проснусь и пойму, что все было кошмаром и теперь закончилось. И тут взгляд ее зацепился за бурое пятнышко на дубовом полу.

Миранда вскочила и выбежала из комнаты.

В гостиную она вошла ровно в тот момент, когда там зазвонил телефон, и машинально взяла трубку.

– Да?

– Лиз Борден топорик схватила,

Мамаше башку раскроила,

Потом, порезвившися всласть,

За папочку Лиз принялась![1 - Лиз Борден – американка, ставшая известной благодаря знаменитому делу об убийстве ее отца и мачехи, в котором ее обвиняли. Стишки, подобные приведенному выше, получили популярность среди школьников. (Примеч. пер.)]

Трубка выскользнула из пальцев и повисла, покачиваясь, на шнуре. Миранда в ужасе попятилась. Из микрофона доносились смешки, злобные и пронзительные, как будто хихикал ребенок. Она схватила трубку, швырнула на рычаг.

Телефон снова зазвонил.

Миранда снова взяла трубку.

– Лиззи Борден…

– Прекратите! Оставьте меня в покое!

Она снова бросила трубку. И телефон снова зазвонил.

На этот раз Миранда не стала отвечать, а повернулась, выбежала через кухонную дверь и упала на лужайке. Над головой чирикали птички. В воздухе держался запах теплой земли и сладковатый аромат цветов. Она уткнулась лицом в траву и дала волю слезам.

В доме все звонил и звонил телефон.

Глава 4

Одна, никем не замеченная, Миранда стояла за кладбищенскими воротами. Через кованую решетку ограды она видела людей в траурных одеждах, собравшихся у свежевыкопанной могилы. Народу собралось много, в чем не было ничего удивительного, поскольку городок прощался с уважаемым членом общества. Уважаемым? Возможно. Но любил Ричарда кто-нибудь из присутствующих, включая его жену? Миранда вздохнула. Да. Я думала, что любила. Когда-то…

Голос преподобного Марринера доносился едва различимым бормотанием. Слова терялись в шорохе веток сирени над головой. Миранда прислушалась. «Любящий муж… будет недоставать… страшная трагедия… прости, Господи…»

Прости.

Она повторила слово как спасительную молитву, сила которой могла вырвать ее из тисков вины. Но кто простит ее?

Уж точно никто из тех, кто пришел проститься с Ричардом Тримейном.

Миранда знала почти всех. Среди них были ее соседи, коллеги по газете, друзья. Бывшие друзья, – добавила она с горечью. Были и те, кто никогда бы не снизошел до знакомства с ней; те, кто вращался в тех сферах, куда Миранду

никогда бы не допустили.

Вот Ноа Деболт, отец Эвелины, мрачный, но сдержанный. Вот Форест Мейхью, президент местного банка, в положенном случаю сером костюме. Вот мисс Лила Сент-Джон, помешанная на цветах и сама похожая на цветок, засушенный в семьдесят четыре года. И разумеется, все Тримейны. Собравшись у могилы, они являли трагическую сцену. Эвелина стояла между сыном и деверем, словно не доверяла собственным силам и рассчитывала на поддержку мужчин. Чуть в стороне от них, будто демонстрируя независимость, замерла Кэсси. Ее яркое, желто-оранжевое платье дерзко контрастировало с общим серо-черным фоном.

Да, Миранда знала их всех. И они знали ее.

Она имела полное право стоять рядом с ними, потому что была другом Ричарда. Она пришла проститься с ним и должна была поступить так, как велело сердце, не думая о последствиях.

Но ей недостало смелости.

И в результате она осталась вне круга скорбящих, одинокая и бессловесная, наблюдая издалека за тем, как предают земле человека, бывшего еще недавно ее любовником.

Осталась и тогда, когда церемония закончилась и процессия медленно двинулась к выходу. Она ловила их недоуменные взгляды, видела, как некоторые качают головой, как бы говоря: Вы только посмотрите, это же она. Миранда не прятала глаза, не отворачивалась, не пыталась убежать. Бегство было бы трусостью. Я, может быть, не такая уж смелая, – говорила она себе, – но и не трусиха. Большинство, проходя мимо, первыми отводили глаза и прибавляли шагу. Только мисс Лила Сент-Джон задержала взгляд, и в какой-то момент Миранде показалось, что за внешним равнодушием старушка прячет усмешку.

Чей-то вздох заставил ее обернуться.

Четверо Тримейнов остановились у ворот, и Эвелина, медленно подняв руку, указала на Миранду.

– Вам нечего здесь делать, – прошипела она. – Вы не имеете права…

– Мама, перестань. – Филипп взял ее за руку и потянул. – Идем домой.

– Ей здесь не место.

– Мама…

– Убирайся отсюда! – Выставив руки с согнутыми, как когти, пальцами, Эвелина шагнула к Миранде.

И тут же между двумя женщинами встал Чейз. Притянув невестку к себе, он крепко ее обнял и, наклонившись, внятно произнес:

– Не надо, Эвелина! Я все улажу, ладно? Поговорю с ней. Возвращайся домой, хорошо? – Он посмотрел на близнецов: – Филипп, Кэсси! Позаботьтесь о матери. Отвезите ее домой. Я скоро буду.

Близнецы взяли Эвелину под руки и повели к машине, но в последний момент, перед тем как сесть, она обернулась и крикнула:

– Не дай этой дряни одурачить тебя, Чейз! Она будет вертеть тобой, как вертела Ричардом!

Не ожидавшая столь яростного выпада, Миранда отшатнулась, будто от удара, и, наткнувшись на ворота, схватилась за них, чтобы не упасть. Никакой другой опоры, кроме вот этого холодного железа, у нее, похоже, не осталось. Ржавые петли жалобно скрипнули. Миранда вздрогнула, тряхнула головой и обнаружила, что стоит на полянке с маргаритками, что все уже уехали и что на кладбище никого не осталось, кроме нее и Чейза Тримейна.

Он посматривал на нее настороженно, но приближаться не спешил, словно не зная, чего от нее ожидать. Как будто она была опасным диким зверем. В темных глазах Миранда видела сомнение, в неподвижной позе – напряжение. В дорогом сером костюме Чейз выглядел настоящим аристократом, холодным и неприступным, с широкими плечами и узкой талией. Костюм, разумеется, пошит на заказ – обычный, с магазинной вешалки, не для настоящего Тримейна.

И все же, глядя на этого высокого мужчину с темными цыганскими глазами и черными как вороново крыло волосами, с трудом верилось, что он – Тримейн.

Работая в «Геральд», она целый год видела портреты представителей этой семьи в здании редакции. Портреты висели на стене, напротив ее стола, – пять поколений мужчин, все розовощекие и голубоглазые. Именно таким был Ричард, прекрасно вписывавшийся в общий ряд. Повесь на ту же стену портрет Чейза Тримейна, и он будет выглядеть чужаком.

– Зачем вы пришли сюда, мисс Вуд?

Миранда гордо вскинула голову:

– А почему мне нельзя приходить?

– Потому что это, мягко говоря, неуместно.

– Очень даже уместно. Ричард мне не чужой, мы были друзьями.

– Друзьями? – усмехнулся он. – Так вот как это теперь называется.

– Вы же ничего не знаете, а беретесь судить.

– Я знаю, что вы были не просто друзьями. И как нам называть ваши отношения, а, мисс Вуд? Связью? Увлечением? Романом?

– Прекратите.

– Может, вам просто нравилось кувыркаться с боссом на его диване?

– Прекратите же! Все было совсем не так!

– Ну конечно. Вы были просто друзьями.

– Ладно. Хорошо… – Миранда отвернулась, чтобы он не видел ее слез, и с трудом выдавила: – Мы были любовниками.

– Наконец-то вы нашли подходящее слово.

– Но и друзьями тоже. В первую очередь друзьями. Как бы я хотела, чтобы все так и оставалось.

– И я тоже. По крайней мере, мой брат был бы жив.

Она напряглась и, снова повернувшись к нему, вздохнула:

– Я его не убивала.

Чейз вздохнул:

– Разумеется, вы не убивали.

– Ричард уже был мертв, когда я нашла его…

– Нашли в вашем доме. В вашей постели.

– Да. В моей постели.

– Послушайте, мисс Вуд. Я не судья и не жюри присяжных. Не старайтесь в чем-то меня убедить. Я хочу сказать вам только одно: держитесь подальше от нашей семьи. Эвелина прошла через настоящий ад. С нее хватит. Ей не нужны постоянные напоминания о трагедии. Имейте в виду, если понадобится, мы добьемся судебного запрета, чтобы вы и близко к нам не подходили. Один неверный шаг – и вы вернетесь за решетку. Туда, где вам и положено быть.

– Вы все одинаковые. – Миранда с горечью покачала головой. – Тримейны и Деболты. Одного поля ягода. Мы же вам не ровня, нас можно и отодвинуть. На положенное место.

– Дело не в том, что мы какие-то особенные. Дело в хладнокровном, предумышленном убийстве. – Чейз шагнул к ней. Миранда не отступила. Впрочем, отступать было некуда – она уперлась спиной в железные ворота. – Так что же все-таки случилось? Ричард нарушил какое-то обещание? Отказался уйти

из семьи, бросить детей? Или просто образумился и решил расстаться с вами?

– Все было не так.

– А как?

– Это я решила расстаться с ним!

Чейз с сомнением посмотрел на нее сверху вниз:

– Почему?

– Потому что все закончилось. Потому что все между нами пошло не так. Я решила расстаться и уже ушла из газеты.

– Он выгнал вас?

– Я ушла сама. Можете проверить по документам, мистер Тримейн. Там есть мое заявление двухнедельной давности. Я собиралась уехать с острова. Куда-нибудь, где не буду видеть его каждый день. Где ничто не будет напоминать о горе, которое я принесла другим.

– И куда же вы намеревались податься?

– Не важно. Просто подальше отсюда. – Миранда отвела глаза. Там, за кладбищем, лежало море. Она даже видела его в просвете между деревьями. – Я выросла в пятидесяти милях отсюда. Этот залив – мой дом. Я всегда его любила. Но тогда думала лишь о том, как уехать отсюда.

Она снова посмотрела на Чейза.

– Я уже освободилась от Ричарда и была на полпути к счастью. Зачем же мне убивать его?

– Как он оказался у вас дома?

– Ричард хотел встретиться со мной. А я не хотела его видеть. И ушла из дому. Прогулялась до берега, а когда вернулась, нашла его.

– Да, я слышал вашу версию. По крайней мере, вы от нее не отступаете.

– Это правда.

– Правда, выдумка… – Чейз пожал плечами. – В вашем случае одно переплелось с другим. – Он резко повернулся и зашагал прочь.

– А если все – правда? – крикнула она вслед.

– Держитесь подальше от семьи, мисс Вуд! – бросил Чейз плечо. – В противном случае мне придется позвонить Лорну Тиббетсу.

– А вы постарайтесь рассмотреть другой вариант. Представьте, что я его не убивала! Что это сделал кто-то еще?

Он не оглянулся.

– Может быть, это кто-то, кого вы знаете! Подумайте! Или вы это уже знаете и просто хотите свалить вину на меня? Ответьте, мистер Тримейн? Кто же на самом деле убил вашего брата?

И Чейз вдруг остановился. Он знал, что не должен останавливаться. Знал, что не должен разговаривать с этой женщиной. Это безумие. Или она сама сумасшедшая. Но и уйти уже не мог. Если то, что она сказала, правда…

Он медленно повернулся. Она стояла на том же месте и пристально смотрела на него. Волосы ее в послеполуденном солнце отливали медью. Худенькая, в черном платье, она выглядела на удивление хрупкой и беззащитной. Казалось, вот налетит сейчас порыв ветра, подхватит ее и унесет.

Возможно ли, чтобы эта женщина убила Ричарда? Занесла над ним нож и ударила? Ударила с такой силой, что лезвие пронзило грудную клетку до спины?

Чейз осторожно подошел к ней.

– Если вы его не убивали, то кто?

– Не знаю.

– Не очень-то обнадеживающий ответ.

– У него были враги.

– И у них были причины, чтобы убить Ричарда?

– Он же владел газетой. Знал кое-что кое о ком. И не боялся писать правду. В городе есть люди, которые его опасались.

– Какие люди? О каком скандале идет речь?

Она взглянула на него исподлобья и отвела глаза.

Что это? Понятная нерешительность? Или эта женщина сочиняет очередную ложь?

– Ричард готовил статью, – заговорила Миранда. – О местном девелопере по имени Тони Граффам. У него своя компания, называется «Стоун коуст траст». Ричард упоминал, что располагает доказательствами мошенничества…

– Мой брат держал в штате двух репортеров. С какой стати ему самому заниматься статьей?

– Ричард считал это своим личным делом и твердо вознамерился утопить «Стоун коуст». Для завершения работы не хватало последнего доказательства. Получив его, Ричард собирался отдать статью в печать.

– И отдал?

– Нет. Статья должна была выйти две недели назад, но так и не вышла.

– Кто ее снял?

– Не знаю. Поговорите с Джил Виккери.

– Главным редактором?

Миранда кивнула:

– Джил знала о готовящейся статье и была от нее не в восторге. Вся работа лежала на Ричарде. Он в одиночку тащил этот проект и был готов рискнуть. Его не останавливало даже возможное обвинение в клевете, которым угрожал Тони Граффам.

– Значит, один подозреваемый у нас есть. Тони Граффам. Кто еще?

Она замялась.

– Ричард не пользовался особой популярностью.

– Ричард? – Чейз недоверчиво покачал головой. – Сомневаюсь. Если у кого-то из нас и были проблемы с популярностью, то уж точно не у него.

– Два месяца назад Ричард срезал зарплаты сотрудникам газеты. И сократил на треть штат.

– Подозреваемых становится больше.

– Он умел доставлять людям неприятности.

– В том числе собственной семье.

– Вы не представляете, как трудно здесь получить работу. Люди готовы на все. Да, говорить Ричард умел. Как ему жаль, что приходится принимать жесткие меры. Что их боль есть и его боль. Но это все было ложью. Я сама слышала его разговор с бухгалтером. Он сказал: Я сбросил балласт, как вы и советовали. Те люди проработали в «Геральд» по многу лет. Деньги у Ричарда были, и он мог бы

обойтись без увольнений.

– Ричард – бизнесмен.

– Верно. Именно бизнесменом он и был в первую очередь.

Ветер тронул ее волосы, и они зашевелились, словно танцующие язычки пламени. Пламя это разгоралось, питаясь ее злостью – на него, на Ричарда, на Тримейнов.

– Теперь у нас целая куча подозреваемых, – сказал он. – Все те бедняги, которых уволил мой брат. Их семьи. Может быть, добавить его детей? Тестя? Жену?

– Да. А почему бы и нет?

Чейз фыркнул и развел руками.

– Знаете, а у вас хорошо получается. Очень хорошо. Вам бы с фокусами выступать… дым, зеркала… Но меня вы не убедили. Надеюсь, и с присяжными ваши трюки не пройдут. Думаю, они увидят вас насквозь, и вы заплатите за все.

Она обожгла его взглядом, готовая вот-вот взорваться, выплеснуть на него весь свой гнев, но потом вдруг поникла и съежилась, как проколотый воздушный шарик.

– Я уже заплатила, – прошептала Миранда. – И буду платить до конца жизни. Потому что виновата. Не в убийстве – я его не убивала. – Она сглотнула, отвернулась. Теперь Чейз не видел ее лица, но хорошо слышал звучавшую в голосе боль. – Виновата в том, что вела себя глупо. Была наивна. Думала, что люблю вашего брата. Потом, узнав его лучше, я попыталась отступить. Хотела, чтобы мы остались… просто друзьями.

Миранда убрала упавшую на лицо прядь, а он, наблюдая за ней, вдруг подумал, что она ведь очень смелая. Не дерзкая, не наглая, как ему вначале показалось, а по-настоящему смелая.

Она снова подняла голову. На ресницах еще блестели слезы, и у Чейза вдруг возникло безумное желание дотронуться до ее лица, вытереть слезы. И вместе с этим желанием пришло другое, столь же сумасшедшее: узнать вкус ее губ, нежность ее волос. Он моментально отступил, словно от полыхнувшего жаром огня. Теперь понятно, почему ты запал на нее, Ричард. В других обстоятельствах я бы и сам не устоял.

– Черт, – пробормотала с горечью Миранда. – Кому теперь какое дело до моих чувств? Ни вас, ни других это не касается. – Она даже не посмотрела на него – повернулась и зашагала по дорожке. Странно, но в какой-то момент Чейз как будто остался в пустоте.

– Мисс Вуд! – крикнул он. Она не остановилась. – Миранда! – Теперь она остановилась. – Только один вопрос. Кто внес за вас залог?

Миранда обернулась, посмотрела на него и покачала головой:

– Я не знаю.

И ушла.

Дорога к редакции оказалась непривычно долгой. Миранда шла обычным маршрутом, по знакомым улицам, мимо знакомых фасадов. Хуже всего было то, что по пути попадались знакомые люди. Они смотрели на нее из-за стекол витрин, собирались группками, перешептывались. Никто не вышел, никто ничего не сказал ей в лицо. Да и зачем? Чего мне недостает, – думала Миранда, – так это красной буквы на груди: «У» – убийца.

Глядя строго перед собой, она повернула на Лаймрок-стрит, к зданию, в котором помещалась редакция «Геральд», ее убежище от любопытных взглядов. Проскользнув в двойную стеклянную дверь, Миранда выдохнула с облегчением и нырнула в отдел новостей.

На несколько секунд жизнь в комнате остановилась. Взгляды всех присутствующих устремились в одном направлении.

– Привет, Миранда, – прозвучал невозмутимый голос.

Она повернулась. Из кабинета выплыла главный редактор Джил Виккери, еще не успевшая переодеться после похорон и выглядевшая весьма элегантно в траурном платье. Короткая юбка соблазнительно шуршала по шелковым чулкам.

– Чем могу помочь? – вежливо осведомилась она.

– Я… я пришла за своими вещами.

– Да, конечно. – Джил неодобрительно взглянула на своих замерших с открытыми ртами подчиненных. – Нам что, делать больше нечего?

Работа нашлась сразу. Все опустили головы.

Джил перенесла внимание на Миранду:

– Я позволила себе очистить твой стол. Все лежит в ящике, в подвале.

Признательность за проявленную любезность перевесила недовольство бесцеремонным поведением Джил, выбросившей ее вещи.

– У меня еще в шкафчике кое-что оставалось.

– Если оставалось, то там и лежит. Никто ничего не трогал. – Больше тем не нашлось, и в комнате повисло молчание. – Ну, – произнесла Джил, торопясь подвести черту под неловкой ситуацией. – Желаю удачи. Что бы ни случилось. – С этими словами она шагнула к выходу.

– Джил? – окликнула ее Миранда.

– Да?

– Хотела спросить… Та статья насчет Тони Граффама, почему ее не напечатали?

Джил уставилась на бывшую сотрудницу с искренним недоумением:

– А почему ты спрашиваешь? Разве это важно?

– Да.

Джил пожала плечами:

– Так решил Ричард. Он снял ее из плана.

– Ричард? Снял? Но он же работал над ней несколько месяцев.

– Наверное, были какие-то причины, но я их не знаю. Просто снял, и все. И, честно говоря, думаю, он ее и не написал.

– Как? Ричард ведь почти закончил ее.

– Я просматривала его бумаги. – Джил продолжила короткий путь к двери. – Сомневаюсь, что его энтузиазма хватило надолго. Ты же знаешь, каким он был. Мастер преувеличения. Много слов и мало дела.

Миранда в полной растерянности смотрела ей вслед. Мастер преувеличения? Слышать такое было больно, но да, в целом заявление соответствовало действительности.

Люди в комнате снова смотрели на нее.

Не говоря ни слова, она спустилась по лестнице и заглянула в комнату отдыха, где обнаружила Энни Беренджер, которая как раз зашнуровывала кроссовки. Верная избранному стилю, Энни была в мешковатых штанах и мятой рубашке. Содержимое ее шкафчика демонстрировало то же отсутствие порядка: кучки скомканной одежды, полотенца, книги.

Услышав, как скрипнула дверь, Энни подняла голову и тряхнула тронутыми ранней сединой волосами.

– Вернулась.

– Только чтобы забрать вещи. – Оглядевшись, Миранда заметила картонную коробку под одной из скамеек, вытащила ее и отнесла к своему шкафчику.

– Видела тебя на похоронах. Нервы у тебя крепкие. – Энни захлопнула дверцу шкафчика и шумно выдохнула. – Наконец-то переоделась. До чего ж удобно. Не понимаю, как люди ходят на высоких каблуках. Я в них даже думать не могу, как будто приток крови в мозг прекращается. – Она зашнуровала второй кроссовок. – И что дальше? Я имею в виду тебя.

– Не знаю. Дальше, чем на день-другой, и заглядывать не хочу. – Миранда открыла шкафчик и стала бросать вещи в коробку.

– Ходят слухи, у тебя друзья в высоких сферах.

– Что?

– Ну, из тюрьмы-то тебя кто-то вытащил, верно?

– Я и сама не знаю кто.

– Догадаться-то можно. Или это адвокат тебе так насоветовал? Мол, делай вид, что ты ни сном ни духом.

Миранда сжала ручку шкафчика.

– Не надо, Энни. Пожалуйста.

Энни подняла голову и посмотрела сверху вниз, отчего на лице у нее проступили мелкие морщинки и веснушки.

– Что, наступила на мозоль? Ладно. Извини. И не думай, что мне нравится размазывать коллегу по первой полосе. Просто Джил свалила это дело на меня. – Она помолчала, наблюдая за Мирандой. – Ну, я могу получить от тебя какое-нибудь заявление?

– Я этого не делала.

– Это все уже слышали.

– Хочешь Пулитцеровскую премию заработать? – Миранда повернулась и посмотрела коллеге в глаза. – Помоги найти того, кто его убил.

– Сначала дай мне какую-нибудь ниточку.

– Ниточек у меня нет.

Энни вздохнула:

– В том-то и загвоздка. Кто бы его ни убил, главный подозреваемый – ты.

Миранда подняла коробку и, держа ее обеими руками, направилась к лестнице. Энни потащилась за ней.

– А я-то думала, что настоящим репортерам нужна правда.

– Тот, кого ты имеешь в виду, изначально ленив и уже подумывает, как бы уйти на покой.

– В твоем-то возрасте?

– Мне, между прочим, в следующем месяце сорок семь стукнет. По-моему, самое время выходить в отставку. Если бы только Ирвинг сделал предложение, я бы остаток жизни и с дивана не вставала – смотрела бы себе мыльные оперы да конфетки жевала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лиз Борден – американка, ставшая известной благодаря знаменитому делу об убийстве ее отца и мачехи, в котором ее обвиняли. Стишки, подобные приведенному выше, получили популярность среди школьников. (Примеч. пер.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/tess-gerritsen/schitat-vinovnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить